

The book cover features a central illustration of an alien in a purple and black spacesuit with a clear helmet, standing on a rocky, volcanic landscape. In the background, a city of tall, dark, jagged structures is visible on a distant shore. A large, glowing UFO hovers in the sky above the alien. The title 'НАШИ ТАМ' is at the top in a decorative banner, and the author's name and main title are at the bottom.

НАШИ • ТАМ

ОЛЕГ АНИКИЕНКО

СВЕРГНУТЫЕ БОГИ

Наши там (Центрполиграф)

Олег Аникиенко
Свергнутые боги

«Центрполиграф»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Аникиенко О.

Свергнутые боги / О. Аникиенко — «Центрполиграф»,
2018 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-08180-3

Главный герой романа приходит в сознание где-то в лесу. Кто он и что с ним случилось? Ответить на эти вопросы мужчина не может... Выбравшись к людям, он попадает в психиатрическую лечебницу, откуда вскоре сбегает с целью выяснить, кем он был раньше. В памяти Харитона Стольника – такое имя получает герой – всплывают картинки сражений расы Титанов с серо-зелеными богами. Что это, бред больного разума или реальные сюжеты из прошлого? Откуда в нем сверхъестественная реакция и недюжинная сила? Через знакомства с разными людьми, приключения и службу в Агентстве Международной Безопасности Стольник должен выяснить, что с ним произошло и правда ли в прошлой жизни он был языческим богом...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08180-3

© Аникиенко О., 2018
© Центрполиграф, 2018

Содержание

Вступление. Грядет буря	6
Глава 1. Свет	8
Глава 2. По дороге	12
Глава 3. Первое утро новой жизни	15
Глава 4. Доктор Максимыч	18
Глава 5. Жизнь в деревне	20
Глава 6. Открытие слов	24
Глава 7. Дорога	26
Глава 8. Приезд в больницу	29
Глава 9. Дурка	32
Глава 10. На волю	39
Глава 11. Бандиты	43
Глава 12. Происшествие	48
Глава 13. Путь на север	50
Глава 14. Бюро нейтрализации	55
Глава 15. Тмутараканьск	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Олег Аникиенко

Свергнутые боги

© Аникиенко О.Н., 2018

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2018

© «Центрполиграф», 2018

* * *

Вступление. Грядет буря

*Бог стал в сонме богов; среди богов произнес суд...
Я сказал: вы – боги, и сыны Всевышнего – ВСЕ вы;
но вы умрете, как человеки, и падете, как всякий из князей.*

Пс., 81: 1, 6–7

Холод остывшей за ночь пустыни сковывал утомленные мышцы и стягивал обожженную в бою кожу, открывая раны, пульсирующие болью при каждом движении. Боль – это хорошо. Если болит – значит, жив.

Солнце еще не вышло из-за гор, но предрассветный сумрак уже расчертил линию горизонта, определив границу, разделяющую добро и зло.

Злом был приближающийся день. Он предвещал неминуемую битву. Битву, грозящую полным уничтожением народу, рожденному на материке, который люди позже назовут Атлантидой. В легендах сохранится память о тех, кто посчитал себя равными богам.

В культуре расы титанов добро и зло считались нежелательными крайностями, равновесием между ними являлась справедливость. Вот за справедливость они и боролись, не пожелав больше быть рабами породивших их богов, и этим обреченные на проклятие и уничтожение.

Жить свободными – это справедливо, да и вообще жить – это справедливо, а не быть уничтоженным результатом неудачного эксперимента.

Четвертую ночь остатки войска тех, кого в Библии называли «сынами Божьими», отступали из Страны пирамид к горам, которые через тысячи лет люди нарекут Синайскими.

Именно они, называющие себя титанами, со времен создания человека разумного являлись для людей наместниками богов на этой маленькой, затерянной на краю галактики Млечный Путь планете.

Горные высоты – это единственное возможное спасение, кроме ночной темноты, от серо-зеленых богов, творцов рода человеческого и их расы. Три дня им приходилось, построившись в боевые порядки, отражать с неба атаки боевых кораблей дисковидной формы, а ночью шаг за шагом идти к надежде на спасение. Силы отверженных сынов Божьих были на исходе.

Их осталось не более десяти сотен, а в день нападения на Страну пирамид было около двенадцати тысяч, ничтожная горстка от многомиллионного народа, погребенного богами под толщей воды.

Четвертый день битвы решит все. Сколько из них переживут этот день и переживет ли хоть кто-то, не знали даже боги.

Дожив до вечера зарождающегося дня, уцелевшие воины смогут дойти до гор. Корабли серо-зеленых рептилоидов, которых они привыкли называть богами, были оснащены антигравитационными двигателями, не приспособленными к работе в пересеченной местности. В горах много разломов и геомагнитных аномалий, в которых летающие тарелки становятся малоуправляемыми.

Солнце показалось из-за горизонта и вспыхнуло в их измятых и оплавленных доспехах, вслед за светом на горизонте показались летающие корабли богов. Воины начали выстраиваться в боевые порядки, по форме напоминающие пятиконечные звезды, глядя в небо, на неумолимо приближающиеся диски тех, кому они стали неудобны за свое свободомыслие. Энергетические кристаллы на щитах и шлемах засветились матовым светом, впитывая энергию, даримую ликом Всевышнего. Они так же, как боги, имеют право на свободное солнце.

УРаа! Ряды титанов сотряс боевой клич, означавший, что боевое построение завершено и отверженные сыны божьи готовы к битве.

УРа – боевой клич, который с их языка так и переводился – «к Солнцу».

Через тысячи лет люди придумают легенды о титанах, держащих на своих плечах небо.

...Грядет буря... УРааааа!

Глава 1. Свет

*Взгляни на мир глазами Бога,
Он видит мир не так, как ты.
Ты говоришь: «Могу немного!»
Он говорит: «Все можешь Ты!»*

Неизвестный автор

Свет!!! Свет колот тысячами игл мозг, а голова раскалывалась от боли.

Не от этого ли кричит новорожденный? Что он испытывает? Боль, холод, страх! Зачем все это? Разве для этого рождаются?

Глаза начали воспринимать окружающее пространство, и, кроме белого света, еще и зеленый цвет. Трава... От нее идет такая сырость... Тело начало это чувствовать. Голова пульсировала болью. Пытаясь остановить пульсацию, он схватился за макушку, и между его пальцами остались пучки рыжих волос.

Нужно встать. Выше светлей и должно быть теплей.

На том, кого боль заставила поверить в собственную реальность, надеты джинсы затерто-зелено-серого цвета, растянутый свитер крупной вязки, на ногах – стоптанные кроссовки 43-го размера, очевидно великоватые для новорожденного.

Перед внутренним взором предстало треугольное серо-зеленое лицо с огромными глазами, маленьким носом и тонкими губами.

«Кто это? – подумал он. – Я такой? Нет, скорее, это тот, кого я видел до... До чего?»

Ого, а на ногах стоять-то как трудно! Он попробовал удержать равновесие, но тут же снова упал – крайне неудачно, потому что опять больно. Вместе с болью пришло и осознание того, что, оказывается, с живота вставать легче, чем со спины.

Он наконец поднялся и осмотрелся вокруг. Взгляд уперся в деревья, за которыми виднелся водоем. Можно попить! Только тину нужно разгрести.

Медленно дойдя до водоема и взглянув на отражение в воде, он увидел рыжебородого человека с взлохмаченной копной волос на голове и с красными опухшими глазами.

Живая вода бывает! Хотя она немного кислая и солоноватая, но она живая. Она дарит силы бороться с болью. Эти маленькие зеленые существа в мертвой воде жить не будут. Надо им сказать. Они должны это знать:

– Мы друзья! – Мелодия слов пролилась из сухого горла.

Но зеленые не оценили его признания и попрыгали в воду, стараясь скрыться. Зато после этих слов деревья стали как-то ровнее, не забегали друг за друга, не путались под ногами. Деревья хоть и тыкали в лицо ветками, но они хорошие, их можно обнять.

Где он? Кто он? Что вокруг?

После того как утолил жажду, возникли вопросы. Ответов не находилось, появилось первое чувство. Им был страх. Нужно что-то делать. Главное – не оставаться на месте.

– Так, а теперь куда? Впереди вода, туда мокро. Значит, от воды.

Шел он долго, но ноги несли его вперед, скорее по инерции. Казалось, со всех сторон за ним кто-то наблюдает. Кто они? Почему прячутся? Хотят напасть со спины? Ну и пусть, слишком тяжело часто оглядываться.

Опять захотелось пить, боролись два желания: отдохнуть и повернуть назад, чтоб опять попить живой воды. Снова хотелось пить, а еще хотелось лечь и не вставать. Но он все же шел – во многом потому, что у него не было сил принимать какие-либо решения.

И тут внезапно друзья-деревья расступились. Это оказалось для него неожиданно. Еще секунду назад ветки мешали идти, а теперь, когда их не стало, его словно лишили опоры. Голова закружилась, и поверхность земли принялась взбираться вверх. Одолев препятствие, он остановился и замер, надеясь, что и мир перестанет кружиться.

Ровная поверхность из неизвестного сплошного камня под ногами дохнула теплом. Значит, камень дает тепло?

Что-то белое и низкое пронеслось рядом с ним. Он инстинктивно отшатнулся и тут же, не удержавшись на ногах рухнул на землю.

– Убери этого алкаша с дороги, а то щас его КамАЗом раздавит, – громыхнул резкий голос откуда-то со стороны на ином, но понятном языке.

Кто-то за шиворот перевернул его на спину и потащил. Потом развернул и посадил к дереву спиной. Перед лицом возник овал, внутри которого можно было разглядеть четыре глаза. В следующее мгновение овал разделился на два мордатых лица. Один человек был помоложе, с темными волосами и с любопытствующим взглядом, направленным на «алкаша». Второй мужчина – лысоватый, постарше – вытирал пот со лба рукавом.

– Ты че, мужик, ошалел? На дорогу какого черта выскакиваешь? Или ты самоубийца? Так пошел бы утопился, зачем сразу на нашу трассу идешь? – проорал, дыхнув на него вчерашним перегаром, молодой человек и, обратившись к напарнику, улыбнулся: – Смотри, Дмитрич, какие лешие из чащи появляются.

Смысл их слов был ясен. Он был. Был где-то очень далеко. Интересно, на кого из них нужно смотреть?

– Ты что глазами водишь? Фамилиямяотчествоадреспроживаниягодрождения, – выпалил молодой брюнет одним словом.

Смысл так и не прибежал.

– Серый, иди из машины трубочки принеси, похоже, он пьяный, – скомандовал лысый. – По степени перегара и определим, что это за маринованный фрукт.

– Если маринованный, то скорее овощ.

– Судя по его бледно-зеленой физиономии, он – огурец.

Брюнет удалился в сторону белого пятна, стоящего поодаль. Потом в рот вставили стеклянный предмет и приказали подуть. Он подул, пытаясь понять «зачем», и с испугом принялся наблюдать за странным предметом.

– Глазами водит, и перегара нет, ответить не может, – задумчиво хмыкнул лысый. – А ну-ка, вены его проверь.

Но беглый осмотр ничего не показал.

– Чистые вены, – протянул лысый. – Наверно, таблеток нажрался. Посмотри-ка у него документы.

– Следов нападения на нем точно нет, – согласился брюнет, выполняющий команды при обращении к нему «Серый». – Психушка есть поблизости? Может, дурик и сбежал?

– Поблизости нет. Километров двести до ближайшего дурдома.

Несколькими щелчками пальцев лысый привлек его взгляд к себе.

– Теперь, мужик, смотри на меня и отвечай на мои вопросы. Как тебя зовут?

Он понял, что от него хотят услышать его имя, но не знал, что ответить. От этого в душу закрался страх, отразившийся в глазах.

– Не бойся ты. Мы тебе поможем, просто должны понять, что случилось?

Он тупо смотрел на лысого. Не знал он, что случилось. Случилось ли? И что вообще случается? Зачем он пошел в эту неизвестность, а не лежал там, где вода?

– Ты немой? – предположил молодой. – Разговаривать умеешь?

Он попробовал ответить. В горле неприятно корябалось. Язык распух и прилип к гортани, но в итоге получилось произнести «уху», что эти двое расценили как утвердительный ответ.

– Скажи честно, ты наркоман? Или, может быть, тебе помощь нужна? Если наркоман, иди спокойно помирай на обочине, мы тебя не тронем.

При этом слове не возникло никаких знакомых ощущений. Он отрицательно покачал головой.

– Дмитрич, в нашей глуши нет наркоманов, одни алкаши. Если только приезжий, – напомнил тот, который выполнял команды при обращении к нему «Серый».

– Что же с тобой делать? – вздохнул лысый и предположил: – Может, это какой-нибудь ученый заблудился? Говорят, вчера в этом районе видели летающую тарелку.

– Если НЛО ищет, значит, псих, – резюмировал молодой.

– Молодой ты и глупый, рано выводы делаешь, – менторским тоном произнес старший товарищ, подняв вверх палец. – В семидесятых годах ученые доказали, что пришельцы описываются в культурах и религиях всех народов мира. Фильм «Воспоминания о будущем» сначала посмотри. Ну, или «Колесницы богов». Люди просто боятся верить в то, что боги, которым они поклоняются, – это инопланетяне и все знания, которыми люди владеют, даны пришельцами.

– Значит, и ты, Дмитрич, псих! – заржал молодой. – Еще скажи, что он инопланетянин.

– Да пошел ты, – обиделся лысый и, насупившись, принялся обыскивать безропотно сидящего на земле «алкаша».

В результате профессионального шмона старший из этой странной пары нашел в одном из карманов стодолларовую купюру, которую тут же благополучно «изъял».

– Он не бедный, даже валюта имеется. А по виду бомж обычный. Думаю, он из туристического лагеря «Аркаим» сюда забрел, там как раз всякая непонятная публика собирается: экстрасенсы, шаманы, космоэнергеты, кришнаиты, чудики, короче, всякие, – предположил молодой.

– Не может быть, до «Аркаима» более пятидесяти километров, он бы не дошел в таком состоянии. Или оклемался бы, или помер по дороге.

– По дороге пятьдесят километров, а по степи напрямую, может, и меньше. Значит, его привезли и здесь бросили.

– Тогда уже криминал... Что-то здесь не так.

– Давай ППС вызовем, его отправим в трезвяк?

– Очень надо связываться! Если он из собирающейся в «Аркаиме» публики, то может быть кем угодно – от знаменитости до президента банка. А завтра объявится, и окажется, что он какой-нибудь заслуженный поэт-физик. И начнут нас раскручивать, куда делись его документы и сто тысяч долларов из кармана, – подумал вслух умудренный опытом лысый. – Надо от него как-то избавиться.

– А что они там делают в «Аркаиме»? Траву курят?

– Да черт их знает, говорят «место силы» какое-то, все силы организма открываются.

– Похоже, он вообще не соображает. – Молодой помахал перед глазами чудика рукой.

– Зачем нам тогда лишние отчеты писать? – подытожил лысый. – Э, мужик, ты ходить можешь?

– Ну, шел же. А ну давай его на ноги поставим, – предложил Серый.

Полицейские схватили «алкаша» под локти и поставили на ноги, после чего тут же отошли в сторону. Чтобы сохранить равновесие, ему приходилось смотреть на землю.

– О, стоит! Красавчик! А теперь иди.

Ноги сделали шаг. Потом второй. Он старался не гнуть ноги в коленях, чтобы легче было сохранять равновесие.

– Зомби встал и пошел! – снова заржал молодой гаишник. – Только тебе не в ту сторону! Ближайший поселок в другой стороне!

– Он не реагирует, – сказал старший, – давай развернем его.

Подойдя, они взяли его под локти и развернули на сто восемьдесят градусов.

– А теперь иди и не останавливайся, – приказал молодой.

– Стой, – остановил его лысый, – деньги заberi.

И сунул ему в карман бумажку.

– Дмитрич, ты что, сто баксов отдашь? – встревоженно поинтересовался молодой.

– Спокойно! Была у него сотня и будет сотня, только не баксов, – заулыбался старший.

– А теперь иди, зомби, по обочине и на дорогу не выходи, – заботливо наставил его

Серый.

Он пошел, слыша невнятное бормотание за спиной.

Глава 2. По дороге

Когда есть направление, идти, оказывается, легче. Да и по ровной дороге ноги уже так не заплетались. Гул в голове не утихал, но болезненная пульсация исчезла.

Мимо проносились то, что эти двое называли машинами. Он на них уже мог смотреть, не теряя равновесия.

Очень хотелось пить. В горле так пересохло, что даже хрипеть не получалось.

Вдалеке показались сооружения, созданные точно не природой, судя по угловатой неказистой форме.

Дорога разделялась надвое. Раньше вторая обочина была дополнительным ориентиром, теперь она терялась, и сознание залила холодная паника. Преодолевая страх, он перебежал на другую сторону и пошел по противоположной обочине, вглядываясь, куда же убегает разделившаяся дорога. И тут разбежавшиеся дороги врезались в еще одну. Это был парадокс, затмивший разум, от этого сильней затошнило. В висках появилась пульсация, больно бьющая по глазам. Перебежав новую дорогу, он пошел по ее обочине. Сооружения то приближались, то удалялись, вода хороводит вокруг него.

Проезжающие машины сигналили так, что на висках проступал пот, и хотелось броситься лицом в желтую траву и хоть так спрятаться от болезненных звуков. В итоге он разгадал секрет перекрестка. Он ходил по кольцу.

На заплетающихся ногах перебежал к внешней стороне кольца. Нужно идти к этим угольным сооружениям.

Пересек мост. Под ним текла вода, но прыгнуть с моста оказалось страшнее, чем идти дальше. Потом дорога разбежалась в разные стороны, его качнуло, и он решил держаться ближе к своей знакомой стороне дороги.

Строения с квадратными сторонами и покрытым железом треугольником наверху, огороженные невысокими деревянными колышками, по-видимому обозначающими границы. Похоже, это жилье людей. Ближайшее жилье меньше, чем-то, которое подальше, зато приятного белого цвета, за ним строение, сложенное из деревьев, вымазанных синим цветом. Потом наблюдать за изменением коробок стало неинтересно. Ноги продолжили путь.

Проходя мимо очередного нагромождения стен, он услышал всплеск с территории, огороженной забором. Это был такой ласковый и необычайно приятный звук, что ноги сами остановились. Посмотрев на звук, он увидел юную женщину в странной одежде, оголяющей ноги выше колен, и собранными в пучок на затылке волосами. Девушка несла по двору матово-серую емкость, из которой раздавался чарующий плеск. Вода. Он пошел навстречу воде, но путь преградило препятствие из деревянных реек, соединенных между собой. Осталось только протягивать руки в сторону волшебной жидкости.

Увидев его, девушка вздрогнула и отшатнулась, отчего вода немного расплескалась. Этот факт обжег ему сердце, ведь теперь ее нельзя будет выпить.

– Ты кто такой? Что хотел? – Голос ее звучал решительно и резко, но при этом был приятен.

Он хрипло выдохнул и показал пальцем на ведро с водой.

– Немой, что ли? Пить хочешь?

– Пить, – прошуршало по горлу и вырвалось из потрескавшихся губ слово на непривычном, но понятном языке.

– А, так ты не немой, а обычный алкаш, – слегка разочарованно протянула девушка.

Поставив ведро, она ушла в сторону дома. Вода снова расплескалась, отчего он непроизвольно глотнул воздуха. Слюны не было.

– Держи, – раздался голос где-то очень близко.

Голос вывел его из ступора. Девушка протянула ему белый железный ковш, полный воды. Он схватил его обеими руками, не веря своему счастью, и начал жадно пить. Вода прокатилась холодной льдиной по горлу. Казалось, что она не доходит до желудка, а испаряется прямо в горле.

– Еще? – с сомнением спросила девушка, глядя на гостя.

– Еще! – торжественно подтвердил он.

Девушка молча забрала ковш, продолжая с подозрением смотреть на стоявшего перед ней человека.

Второй ковш воды уже пьянил не так сильно, но также наполнял жизненной силой организм. Эту порцию он выпил уже только за два приема. Протянув пустую посуду девушке, он внимательнее осмотрел ее. А она хорошенькая! Розовые пухлые щеки, небольшие круглые глаза, аккуратный ротик. Но, главное, она такая добрая!

– Еще, – уже с просительной интонацией произнес он.

– Да ладно, не бывает такого, ты и так уже литра четыре выпил, – засомневалась девушка, но все же сходила за добавкой.

Пить уже не хотелось, но и ковш отпускать он не желал.

– Ты смотри мне тут территорию не меть, а то батя скажу, – предостерегла девушка и тут же крикнула: – Батя! Батяяя! Иди сюда!

– Сейчас, подожди, – раздалось со стороны сарая.

– А ты вообще к кому приехал? Вчера у Саньки его институтские друзья гуляли, но я бегала с Нинкой смотрела, тебя не видела. Или ты уже «хороший» спал где?

Девушка тараторила с такой скоростью, что он просто не успевал подумать над ее словами. Каждое слово в отдельности было понятно, а общий смысл фразы ускользал. Поэтому он предпочел не отвечать.

– Тебя как звать-то? – спросила девушка. – Меня – Света.

– Света, – произнес он.

– Нет, это меня Света зовут, а тебя как?

– Не знаю. – Это первое слово, которое вспомнилось.

– А кто знает? – недоуменно спросила девушка.

– Не знаю, – опять повторил он.

Ему не хотелось расстраивать Свету, но новые слова пока на ум не приходили.

– Что случилось, Светик? – спросил показавшийся из сарая плотный лохматый мужик невысокого роста. Причем лохматым он был везде. Седая голова, крупные усы, мохнатая грудь. Волосы даже пробивались из носа. Майка на мужчине была настолько мокрая от пота, что, если ее выжать, можно было бы полить целый огород. В руках у мужика была лопата. Казалось, что он – один из воинов древних племен, который вернулся из набега и не успел еще вытереть копьё от крови врагов.

– Ты кто такой? – резко спросил мужик, увидев чужака.

– Батя, он воды три ковша выпил. Говорит, что не помнит, как его зовут. Поговори с ним, – объяснила Света.

– С бодуна? – настороженно поинтересовался мужик.

– Вроде перегара нет, – ответила девушка.

– Не наркоман? – испытующе глядя на него, спросил батя.

В ответ он качнул головой, отчего весь окружающий мир пошатнулся и попытался опрокинуться набок.

– Ты знаешь сказку о Кощее Бессмертном? Тот, чтоб силы восстановить, тоже воду пил. Сорок ведер за раз. Так что пей, не стесняйся. Вон калитка, заходи сюда давай, – с некоторым вызовом предложил мужик.

Опасности от него не исходило, и легче было воспользоваться приглашением, чем обдуривать его. Когда он вошел, большая серая собака с торчащими острыми треугольниками ушей заворчала, подозрительно покосившись в его сторону.

– Садись на лавку. Что, правда ничего не помнишь? – заботливо спросил хозяин, несмотря на его грозный вид, похоже, любопытство ему было не чуждо.

Он отрицательно покачал головой, наблюдая за тем, как Света вылила на грядки остатки воды из ведра и пошла к колодцу.

– А как зовут, помнишь? – продолжил расспрос хозяин.

Тот же ответ.

Хозяин взял стул, стоящий возле стены дома, поставил его напротив гостя, сел, уперев руки в колени, и продолжил допрос:

– А голова не болит? Перегара вроде нет. И внешность странная. Не городская – это уж точно. В деревне всякое бывает, особенно с длительного запоя. Дай голову посмотрю. Хм. Открытых кровоподтеков вроде нет. У нас в Афгане лейтенантика одного контузило, у него из ушей кровь шла, так тоже память потерял, в госпиталь забрали, потом не знаю, вспомнил или нет. Ты, может, на машине разбился? Где очнулся?

– В лесу, – вспомнил он слово, произнесенное гаишником.

– Что запомнил? – продолжил допрос мужик.

– Воду, – с удовольствием произнес это слово он.

Пальцы собеседника нервно забарабанили по коленям.

Это отвлекло внимание, и воспоминание о воде растворилось, не оставив и следа.

– Негусто... Знаешь, что? Светка, поешь человеку приготовь. Сейчас поешь, и я тебя в милицию отведу. Хотя тобой пока все равно никто заниматься не будет. В лучшем случае в камере подержат, пока праздники не кончатся. Умудрился же ты потеряться на Майские праздники... А документов у тебя нет? Глянь по карманам.

Проследив за жестом собеседника, он понял, что карманы – это складки на одежде. Значит, они созданы, чтоб там хранить предметы? Чтоб нащупать содержимое задних карманов, пришлось встать на ноги, от этого мир покачнулся, но не упал. В одном из карманов было нечто плотное и гладкое.

– Сто рублей. Негусто, – сделал лохматый выводы и продолжил монолог: – Так, ладно. Звать меня Василь Иваныч. – Пауза и изучающий пристальный взгляд его бледно-голубых глаз. – Не улыбнулся, не сказал Чапаев. Знаешь, кто такой Чапаев? Нет? На самом деле фамилия моя Василько, можешь Прапором называть, я привык. Профессия у меня такая. Была. Знаешь, война меня научила в людях разбираться, так что я тебе помогу. Завтра.

Прапор прошел к столу, расположенному на летней кухне, и, присев, подал ему знак сесть на скамейку напротив.

– В общем, хватит трепаться. – Василько показал широким жестом на две принесенные дочкой алюминиевые миски: одну с ухой, вторую с вареной картошкой. – Лопай давай.

Глава 3. Первое утро новой жизни

Проснулся он от назойливого жужжания и оттого, что чесался нос. Эти два явления оказались связаны между собой: крупное полосатое насекомое облюбовало себе место на его лице. Щелчок пальцев придал насекомому такое ускорение, что оно полетело к дальней стене уже без жужжания.

В желудке подсасывало. Вспомнилась вчерашняя вкусная уха.

В сарае царил полумрак, свет пробивался через плохо прибитые доски. Интересно, это сделано специально, чтоб отпала необходимость в окнах? Дверь оказалась закрыта, когда он толкнул дверь, с наружной стороны упали вилы, прислоненные к ней. Падая, они стукнули о ведро. Залаяла собака.

Через щели сарая виднелся Василь Иванович, стоящий в синих трусах почти до колена посреди двора и кормящий кур. Услышав шум, прапорщик подошел к двери и снял цепь, накинутую на крюк.

– Вспомнил? – с солдатской прямоотой спросил Прапор.

Увидев потряхивание головой, он слегка нахмурился.

В ответ на удивленный взгляд Василько сразу пояснил:

– Конечно, я тебя закрыл, а кто его знает, как ты себя поведешь, если сам себя не знаешь. Ну, это для твоей же безопасности.

Сказав это, хозяин повернулся и пошел в сторону летней кухни. Там на веревках висела постиранная одежда «гостя». Прапор вечером дал распоряжение Свете постирать грязные вещи «найденыша», как вчера назвал его Василь Иванович, раздобревший после выпитого стакана самогонки. Подойдя к висящим джинсам, батя потрогал их и, пробурчав: «Почти высохли», повернулся к найденышу:

– Заходи, позавтракать ты и в такой одежде сможешь, зато не сглазит никто.

Сделав шаг из сеновала на улицу, он зажмурился. Утреннее солнце слепило глаза. На летней кухне хозяйничала Света, гремя посудой.

Обернувшись, Света не смогла сдержать смеха. Выглядел их внезапный гость действительно колоритно. Старые, короткие солдатские штаны с пузырями на коленях, клетчатая махровая рубаша с протертыми рукавами и выцветший синий пиджак, линялый и в каких-то пятнах. При этом вещи не казались грязными, только пахло от них сыростью. Чувствовалось, что из сундука их давненько никто не доставал.

– Сядь на лавку, Светка завтрак готовит. А я пойду дров наколю, – сказал Прапор. – Кстати, я позвонил в наше районное управление полиции, они пришлют дежурного тебя допросить.

Послушно сев на скамейку, он стал смотреть, как гордо расхаживают белые птицы, собирая зерна. Еще какая-то из этих птиц с восходом солнца надрывно кукарекала – наверное, вот та крупная и яркая. Судя по наглomu виду, ей точно не будет стыдно мешать людям спать.

Мимо, по направлению от дома к летней кухне пробежала раскрасневшаяся Света с казаном в руках. Глянула приветливо, но настороженно.

Дышалось легко. Утренняя свежесть бодрила, а лучи солнца приятно щекотали кожу лица. Только подташнивало немного.

Вышедший из дома Прапор, в трико с красно-зелеными полосками и плотной рубаше поверх майки, взял топор, валявшийся возле поленицы с дровами. Наверное, он встал до восхода солнца, раз был так тепло одет. Ведь ночью, когда нет солнца, холодно и страшно.

Установив крупное бревно, Прапор с нескольких ударов разрубил его сначала пополам, а потом разрубил каждую половинку еще раз.

Было приятно смотреть, как у Василько это ловко получается. Скоро возникла мысль: «А смогу ли я так?» Подойдя ближе к дровоколу, он остановился у Прапора за спиной. Батя, услышав шаги, продолжил колоть дрова, но уже контролировал найденыша боковым зрением.

Найденыш продолжал пристально смотреть. Василий Иванович не выдержал, повернулся к нему, рукой вытер пот со лба и резко спросил:

– Чего тебе?

– Можно я?

– Ты лучше дров на кухню отнеси, – пробурчал Прапор и отошел, давая возможность собрать наколотые дрова.

Послушно отнеся дрова на кухню, он вернулся и встал на то же место. Иваныч опять бросил на него взгляд, но уже с некоторым раздражением.

– Хочу попробовать! – Это уже звучало как требование. Почему-то ему казалось, что он раньше много раз занимался подобным.

– О, а ты с характером! Из тебя толк будет. Ну, бери колун, – разрешил Прапор и бросил топор на землю, а сам отошел в сторону сарая, исподтишка взглянув на стоящие возле дверей вилы.

Оно и понятно. Кто знает, как этот чудик себя с топором в руках поведет?

Топор оказался тяжелым. Взяв его правой рукой ближе к топорщику, он определил центр тяжести, поставил крупное полено на пень для колки и ударил. Полено разлетелось на куски, как и пень, служивший колодой. Определенно раньше он орудовал топором, только в его понимании он должен быть тяжелей и стрелять молниями.

В памяти проскользнуло знакомое слово, а перед глазами встала картина битвы, где он без устали махал топором. Хотя нет, не топором. Как, интересно, назывался этот большой и тяжелый предмет для нанесения ударов? В голове само собой всплыло слово «мьельнир». Интересно, на каком это языке?

– Ешкин кот! – выругался Прапор. – Ты свою дурь мелкими порциями расходуешь. Где я теперь такой хороший пень для колки возьму? Потом отвернулся и бросил: – Коли теперь хоть все дрова, раз охота.

А сам пошел в сторону летней кухни.

Колодой послужила половинка расколотого пня. Дрова кололись легко, только разлетались далеко. После получаса работы колотых дров на поленнице очень добавилось. Пот тек по всему телу и был какой-то едкий и терпкий, а топор стал тяжелей.

– Эй, как тебя там! Найденыш! Бросай все, пошли завтракать. – Приказ прапорщика Василько прозвучал через весь двор.

Послушно положив колун на поленницу, он пошел к летней кухне, вытирая рукавом пот со лба. Рубаха заметно пожелтела.

Направляясь к столу, он прошел мимо Светы. Она почему-то ойкнула и скривилась.

Даже брови Прапора немного поднялись от удивления.

– Да, силен ты, братец, вонять. Покрепче любой газовой атаки будешь. Светланка, полотенце принеси, а ты за мной шагом марш, – распорядился Прапор, часто моргая.

Противоречить батю даже мысли не появилось.

Подведя его к летнему душу с бочкой наверху, хозяин открыл дверь и показал на кран.

– Когда помоешься, штаны эти снова надень, а рубаху сейчас дам другую. Вещи твои еще не совсем высохли. Полотенце шас Светка принесет, – пробасил Прапор, с неприязнью оглядывая покрывающую желто-зелеными пятнами рубаху.

Вода пробирала холодом, но после физической нагрузки от этого было только лучше. Желто-зеленый пот, правда, не особо хотел смываться в холодной воде. Когда он вышел, вытерся и оделся, в голове почему-то слегка звенело, да и тошнота тоже усилилась.

Прапор и Света сидели за столом и ели кашу. На столе стояла и его порция. Трехлитровая банка свежего коровьего молока венчала пиршество. Каша немного пахла дымом и оказалась приятна на вкус. Но в желудок еда все равно падала тяжелыми камнями, и от этого было очень больно.

– Никак на летнюю кухню газ не проведу, а баллоны возить мороки много. Так что наслаждайся едой, приготовленной на живом огне. Молока тоже вон попей, соседка корову держит, так мы берем, тоже живое, а то магазинное в пакетах даже не прокисает.

Василий Иванович, глядя на то, как он ест, полез в карман рубахи, достал сто рублей и положил на стол, прихлопнув их рукой.

– Твою сотню рублей возвращаю. Светка одежду стирала, так я взял, чтоб не намокли, – вытирая усы, объяснил он.

– Спаси-бог. – Это слово, как и «мельник», само по себе всплыло в голове.

– За свое «спасибо» не говорят, – отрезал Прапор. – Вчера хотел участковому нашему тебя показать, а он как назло к родителям в деревню уехал. В райотдел тебя вести придется.

Он не знал, что такое «райотдел», но это незнакомое слово не помешало его аппетиту.

Потом Прапор задумчиво посмотрел в кашу, которую ел гость.

– А вот как тебя называть? Ты так ничего и не вспомнил? – с надеждой, что его не разочаруют, поинтересовался хозяин дома.

Он только тряхнул головой, так и не отрывая взгляда от тарелки. Каша слоями ложилась в желудок, стало тяжело, и тошнота усилилась. Но есть необходимо, иначе хозяева подумают, что ему не понравилось. Борясь с тошнотой, он так прикусил ложку, что затрещали зубы.

– А давай наугад попробуем? Может, тебе какое имя вспомнится? Ваня? Леха? Саня? Рома? Петро? Миша? Слава? Дима? Игорь? Илья? Федя? Данила? Боря? Ничего не припомнишь? – попытался прояснить память гостя он. – Света, какие еще имена есть?

– Валерий, Кирилл, Владимир, Антон, Олег, Егор, Иннокентий, Ефим, Матвей, Захар, Михаил, Федор... – помогла ему девушка.

– Миха я говорил, – с досадой сказал Прапор, – Федя тоже. Что-то и имена не вспомнятся... Найденышем могу называть, но как-то по-детски звучит.

Взгляд Прапора упал на сторублевку, лежащую на столе.

– О! – чему-то обрадовался Прапор. – Стольником буду тебя называть. Лучше, чем найденыш! Как тебе? Нормально? А потом, может, имя свое вспомнишь.

Его мало беспокоило, как его будут называть, поэтому, кивнув, перевел внимание на интересную бумажку с картинками. Она ему нравилась, негативных ассоциаций не вызывала. Да и, кроме нее, он себя больше ни с чем ассоциировать не мог. Кто он вообще? Что такое хорошо? А что плохо? То, что его Прапор кормит, – это хорошо. То, что в желудке от каши тяжело и тошнит, – это плохо. Может, лучше было не есть? На сколько еще не менее сложных вопросов ему предстоит ответить?

– Стольник, ты молоко хочешь? – спросил Прапор.

– Да, – ответил он. Этот вопрос был легким, и ответ на него легко нашелся.

– Красава! – одобрил его Прапор, наливая молока в алюминиевую кружку, похоже, ему нравилось, что придуманное имя прижилось и нареченный Стольником найденыш откликается.

Взяв кружку, вновь нареченный Стольник почувствовал, что от нее идет странная вибрация. Эта вибрация передалась и руке, но он смог ее приостановить и выпить молоко залпом. Напиток имел приятный насыщенный вкус. Однако, дойдя до желудка, молоко принесло вибрацию и туда. Стольника замутило еще сильнее, он попробовал встать, но его неожиданно качнуло назад. Падая, он успел повернуться на бок. В последний момент ощутил, как вся съеденная пища, со стремительностью извержения вулкана, вырвалась наружу, после чего сознание перестало цепляться за бесчувственное тело.

Глава 4. Доктор Максимыч

Сознание возвращалось постепенно, как набегающая на берег волна. Сначала вдалеке, как односложный рокот, слышались голоса. Затем они стали различимы, и Стольник уже мог понять смысл разговора. Но глаза все равно открывать не хотелось. К тому же, если до сих пор живой, значит, с закрытыми глазами безопаснее.

– Без анализов тут не определишь, чем его отравили, но, судя по составу рвотной массы и зелено-желтым сгусткам, что-то достаточно токсичное... – вещал густой баритон.

– Не помрет? – раздался обеспокоенный голос Прапора.

– Если не умер до сих пор, то уже вряд ли, – обнадежил баритон. – Нужно в больницу класть, там изучим в надлежащем виде.

Мужской голос слегка картавил.

– Люблю, Максимыч, твой докторский оптимизм, – усмехнулся Прапор.

Смысл сказанного был понятен не полностью, но интуиция подсказала, что опасности нет, и Стольник медленно открыл глаза.

– О! Очухался, – то ли удивился, то ли обрадовался Прапор.

Над Стольником нависли две головы: одна Василько, а вторая принадлежала старичку со впалыми щеками, редкой сединой, острой бородкой. Довершали портрет крупные роговые очки. Но особое внимание сразу привлекал бордово-красный нос. Местный народ дал доктору кличку Чехов.

– Больной, как вы себя чувствуете? – профессионально поставленным голосом врача поинтересовался старичок. От него веяло каким-то резким запахом.

Стольник не ответил. Не хотелось разговаривать, да и очень тяжелый язык не помещался во рту и совсем не хотел шевелиться для ответа.

Стоящие над ним люди тревожно переглянулись.

– Больной, сколько видите пальцев? – опять спросил доктор и показал три пальца. Будучи близоруким, он и других подозревал в этом, поэтому ткнул рукой почти в нос пациенту.

Надо ответить, а то видно, что они беспокоятся. Проще всего ответить аналогичным жестом.

Прапор и картавый снова переглянулись, но теперь уже с облегченным выражением лица.

– А сейчас? – сказал доктор и показал открытую ладонь.

Стольник, показав ладонь в ответ, решил еще и сказать количество пальцев словами, посчитав, что это им будет приятно.

– Пять, – получилось вместо «пять» тоже хорошее слово.

– Сейчас-сейчас, – засуетился врач. – Иваныч, что сидишь? Вода где?

Прапор выглянул за дверь и отдал команду:

– Света, воды дай. Не сильно холодной только.

– Вот молоко есть, пусть попьет, – раздался откуда-то издалика голос Светы.

Прапор вопросительно глянул на доктора. Доктор с невозмутимостью дзэн-буддиста кивнул:

– Пусть пьет. Если в прошлый раз не помер от молока, в этот раз, скорее всего, тоже не помрет. Думаю, именно молоко и вывело яд из организма.

Пока пациент пил белую жидкость из глиняной крынки жадными глотками, доктор рассказывал, как полезно молоко, каким образом оно нейтрализует отравления организма. Прапор даже пошутил, что Максимыч прямо здесь защищает диссертацию о пользе молока, которое является лекарством от всех болезней.

Когда Стольник допил молоко, у него почему-то появилось ощущение, что он куда-то опаздывает. Резко поставив кувшин на тумбочку (так, что вздрогнул даже выдавший виды Прапор), он попробовал встать на ноги.

После душа дать ему трусы никто не догадался, а перед тем, как положить в кровать, грязную одежду сняли. Глядя выше упавшей простыни, Света, пришедшая в комнату с молоком пару минут назад, покраснела и заулыбалась, но, вовремя опомнившись и искоса взглянув на отца, предпочла быстро ретироваться.

– Ты тут хозяйством не размахивай, ребенка мне смущаешь! – рявкнул Прапор и поддерживал Стольника, помогая ему сохранить равновесие.

– Куда собрался-то, солдатик? – ласково спросил картавый доктор Максимыч, подходя с другой стороны. – Отдохни пока, спешить некуда.

Глава 5. Жизнь в деревне

Спешить, действительно, оказалось некуда. Приехал дежурный из местного отделения милиции. Подробно записал показания. Стольник решил не рассказывать о встреченных гаишниках, ведь тогда придется говорить еще больше слов.

Дежурный после долгого совещания с начальством по телефону откатал пальцы для идентификации, согласился оставить найденыша прапорщику Василько под расписку для последующей доставки в психдиспансер города Орска для всестороннего обследования.

После длительных переговоров сторговались на том, что отделение милиции выделит транспорт для доставки в лечебницу – при условии, что Василь Иванович обеспечит транспорт бензином. Было решено, что в ночь ехать не стоит и узик с водителем Вовкой приедет на следующее утро в шесть часов.

На обед Света подала борщ и вареную картошку с селедкой.

– У шахтеров говорят: хоть всю жизнь не пей, а перед борщом выпей, – потер руки Максимыч и многозначительно посмотрел на хозяина дома.

Прапор тяжело вздохнул и сходил за бутылкой с самогоном. Демонстративно налив в графин грамм триста, Василь Иванович спрятал остатки алкоголя подальше от плотоядных глаз доктора.

– Только по одной, – сразу предупредил Прапор. – Мне разборок с твоей Татьяной не надо.

– Ну, ладно. Один пузырь – значит, один пузырь, – вздохнул врач, сооротив несчастное выражение лица. – Стольнику ни в коем случае не наливать! – категорично заявил Максимыч через секунду, заметив, что Света принесла три стакана.

Прапор, наоборот, думал больше о состоянии Максимыча, так что наливал совсем небольшие порции.

– Ваше здоровье! – воодушевленно воскликнул Чехов, глядя на своего сегодняшнего пациента.

– Чтoб оно было, – угрюмо поддакнул Прапор.

Они выпили. Максимыч довольно крикнул и занюхал самогон хлебом. У Прапора на лице не дрогнул ни один мускул.

Оказывается, наблюдая за людьми, можно многое о них узнать.

– Слушай, Максимыч, а в какую его больницу поместят? – поинтересовался Василий Иванович.

– В какую? – Доктор отправил в рот жирный кусок селедки вместе с костями. – В Орскую психиатрическую больницу. Я главврача их хорошо знаю. Там специалисты грамотные и медикаментов специализированных достаточно.

– В психушку?! – Прапор хотел было изумиться, но, еще раз посмотрев на Стольника, задумчиво хмыкнул. – Вообще, наверно, да. Странно, что я об этом как-то не думал раньше.

От слова «психушка» разило каким-то сырым и затхлым страхом.

– Личность социально дезориентирована. Нуждается в восстановлении памяти. Квалифицированные психиатры обеспечат ему надлежащий уход. Милиция к тому времени, может, чего накопает, его ведь наверняка родственники разыскивают, – четко, как будто цитируя лекцию на кафедре, сказал Максимыч, при этом искоса разглядывая графинчик. – Хотя лучше времени амнезию ничего не лечит. Можно даже на дому лечить, если обеспечить надлежащий уход.

– Кто же за ним ухаживать будет? Я охранником работаю сутки через трое. Светка на учебе.

– И психотерапевтов нужной квалификации в нашем поселке нет, – поддакнул Чехов, поглядывая, как удав на кролика, на графинчик.

Прапор заметил взгляд и, покачав головой, налил еще по одной порции самогона.

– Гадостью всякой его колоть будут? – поинтересовался Иваныч после второй. Пили уже без всяких тостов, просто чокнувшись стаканами.

– Не знаю. Показаний к применению транквилизаторов вроде нет, а что там врач решит – это уже его дело. – Максимыч, несмотря на выпитое, смог без запинок выговорить сложное слово. – Да и вообще, в клинике главврачом работает доцент Федоренко. Грамотный мужик. Я его попрошу взять твоего гостя под особый контроль, он не откажет.

Нос доктора, казалось, из бордового превратился в пурпурный.

– Раз дал слово с нами завтра ехать, завязывай бухать, а то завтра тебя опять на себе таскать придется, – хохотнул Прапор, хлопнув доктора по плечу.

Хохот Прапора отозвался болезненным эхом в голове и желудке.

– Иваныч, обижаешь, обед только, два раза протрезветь успею, – обнадеживающе заявил доктор.

Потом последовала длительная беседа. За неимением своего жизненного опыта Стольнику пришлось слушать о чужом.

Максимыча звали Леонид Максимович Бельский. Он гордился своей фамилией, потому что в его предках числился какой-то прославленный родственник – правда, кем он приходится Максимычу, не знал никто. После смерти родителей от голода в блокадном Ленинграде его воспитывала бабушка Клавдия Ильинична.

Пока Чехов (Стольнику почему-то в подсознание запало это прозвище) учился в Ленинградском мединституте, он считался талантливым студентом и подавал большие надежды. В то время вся молодежь рвалась на целину и заселять Сибирь. Бельскому, как молодому идеалисту, тоже хотелось изменить мир. Поэтому, когда его распределили в маленький городок Аша на Урале, названия которого он до этого никогда не слышал, молодой врач даже не расстроился. Бельский вырос на произведениях Фенимора Купера, и, хотя он не обладал волевым характером и решительностью первопроходцев Америки, их слава не давала ему покоя. Отвергнув все попытки бабушки, известной всем почитателям Ленинградской консерватории скрипачки и заслуженного педагога детской школы музыки, похлопотать о том, чтоб внук мог остаться в большом городе, Леня поехал покорять советскую глубинку.

Действительность сильно разочаровала питерского интеллигента.

Просторы то прели, то засыхали под присмотром коммунистических надсмотрщиков, регулярно мирно разговаривались, поскольку «все вокруг народное, все вокруг мое». Стрелять, в отличие от первопроходцев Америки, приходилось редко, да и то сигареты из-за перебоев с поставками табачной продукции. Попытки вернуться Бельский прилагал, но сначала партийные руководители грозили, что, не отработав три года, он покажет себя недостойным дела партии. А потом, как порядочный человек, он женился на медсестре из своей поликлиники, рослой и симпатичной девице, младше его на пять лет, которая и стала его первой сексуальной реальностью. Попытки перебраться обратно с семьей ослабли после смерти бабушки, ее квартиру перераспределили многодетной семье, а он уже был прописан в однокомнатной квартире, которую выдала ему районная администрация, как молодому специалисту.

Потом стали обещать перевод из райцентра в областной центр и двухкомнатную квартиру. Медицинская практика тоже не радовала. Лечили народ как попало. Медпомощь сводилась к выписыванию таблеток и редкому назначению уколов. Количество таблеток ограничивалось нешироким выбором самых распространенных и безобидных. Их чаще приходили съест симулянты, у которых в тот день намечались дела серьезнее работы. Постепенно Леня дорос до должности главврача местной поликлиники.

В основном народ от всех болезней лечился народным методом – при помощи спирта. Постепенно Бельский, талантливый врач, тоже стал практиковать этот метод на других и на себе. На почве такого «лечения» у него появилось много «друзей», которые приходили и говорили, какой Леня хороший врач и как они его уважают.

Он как медик знал, что алкоголь в теле человека вырабатывается для расслабления мышц после нагрузки, но со временем организм привык к способам более легкого получения этого фермента извне. В медицине это называется алкогольная зависимость.

Мечта возглавить строящуюся центральную больницу города рухнула, когда приехавшая инспекция обнаружила недостачу спирта в поликлинике. Брать спирт под роспись было легко, о возникновении необходимости объяснения, куда девается спирт, задумываться не приходилось. Часть спирта удалось списать, но общая недостача поликлиники составила немалые пятьдесят шесть литров. Чтоб не посадили и все сошло на тормозах, помог влиятельный партийный деятель администрации города Клавдий Петрович, который уважал Бельского как перспективного специалиста. Пришлось «добровольно» перевестись рядовым врачом в поселок Бреды, некогда основанный как опорный пункт оренбургского казачьего войска, куда давно не могли укомплектовать полный штат медперсонала.

Так Максимыч осел в этих краях.

Параллельно с откровениями Чехова все больше и больше раскрывался Прапор. С каждым выпитым стаканом в его глазах прибавлялось горечи. Иваныч вспоминал, как солдатом-срочником повидал войну в Афганистане, как бессмысленно умирали молодые пацаны, как смерть ходила рядом. Все эмоции горьким ядом просачивались одним словом «гады» и постукиванием кулаком, с зажатым в нем стаканом, по столу. Чтоб смягчить воспоминания о войне, Василию Ивановичу пришлось еще не раз сходить и наполнить графин.

Когда Максимыч начал делиться своими планами по постройке трехэтажной больницы «со всеми удобствами» в селе, Прапор стал выпроваживать его домой. Обед слегка затянулся, солнце уже почти спряталось за горизонт. Уходить Максимыч явно не собирался, но тут хлопнула калитка, и в дверях кухни появилась крупная женщина, по ширине в плечах как прапорщик, но почти на голову выше.

– И что тут за попойка? – неласково поинтересовалась она. – Иваныч, ты опять моего мужа спаиваешь? У нас же недавно состоялся с тобой по этому поводу разговор.

При ее появлении Максимыч, как провинившийся ученик, вскочил на ноги, с трудом, правда, на них держась.

– Татьяна, ты давай мне здесь не это... – заплетающимся языком попытался показать, кто в их семье главный, Максимыч.

– Что «не это»? Опять нажрался, скотина? У нас с тобой разговор позавчера, кажется, уже был? Я предупреждала о последствиях. – Тетка медленно направлялась к Максимычу. Доктор в попытках спастись смог лишь обойти стол и прижаться к стене.

Прапор только исподлобья скосил глаза.

Стольник встал со своего места и перешел в другой конец кухни, чтоб удобнее было наблюдать за происходящими событиями.

– Нормально все, Татьяна, мы много не пили, нам завтра ехать в город – человеку помочь надо, – пробурчал Иваныч.

– Вижу я, как вы не пили. А этого из запоя ты выводить будешь? – гневно прошипела Татьяна. – А ну, быстро пошел домой, алкаш чертов!

Последняя фраза предназначалась мужу. Максимыч, не заставляя долго ждать и не прощаясь, вышел из избы.

– Иваныч, не ссорься со мной, больше предупреждать не буду, – гневно заявила Татьяна и вышла следом за мужем.

Глядя на ее грозный вид, Стольник понял, почему даже супруг называет ее полным именем. Такую громадину уменьшить не представлялось возможным, а видя гневные искры в ее глазах, ни одного человека не тянуло на ласку.

Стольник смотрел на блики света в полупустом графинчике водки. Зачем люди вводят себя в состояние иллюзии этой жидкостью? Наверное, их страшит окружающий мир и они не видят в себе сил изменить действительность? Не проще тогда им тоже потерять память?

– Молодец баба. Если бы не она, Максимыч уже давно бы совсем спился и под забором помер, лупит его, вот он ее боится и держится, понемногу пьет. Раз в месяц, правда, стабильно в запой уходит, дня три вот только как очухался, – не меняя позы, объяснил Прапор.

– Зачем тогда пьешь с ним? – фыркнула Светка, которую не радовали пристрастия отца.

– Молодая ты еще, не понимаешь совсем жизни. Это же Россия, с кем-то пить все равно надо. Пить одному – это алкоголизм какой-то получится, – глубокомысленно изрек Прапор, обнажая глубинную философию русской души.

Стольник подошел к окну, вглядываясь в сумерки, заполняющие улицу.

Загадочное слово «Россия» запало в память.

Глава 6. Открытие слов

Эту ночь Стольник провел в доме. Правда, доведя его до дверей, хозяин дома все-таки запер найденыша на замок со словами: «Девочка у меня, нечего ночью по дому лазить».

Собственно, лязг замка и разбудил его под утро. Стольник открыл глаза и увидел, что в дверном проеме стоит Прапор, в военной форме и аккуратно причесанный.

– Приводи себя в порядок, я пойду пока схожу Вовку пну, водителя милицейского, а то наверняка проспал, – скомандовал прапорщик.

Вставать не хотелось. Возможно, сказалось то, что под набегающие мысли ему было сложно уснуть. Хотя мыслями это тоже трудно назвать – скорее, цепь вопросов. Зато Стольник, кажется, понял суть этого мира. Весь мир был большим вопросом и делился на целую череду малых вопросов, которые в свою очередь опять делились на бесконечное количество вопросов. На этот абстрактный образ Стольника вчера навел Прапор, когда предложил ему спрашивать. А вопросов было так много, что невозможно, оказалось, понять, какие из них важнее. Хотя первый вопрос он сумел задать сам себе: «Кто я?» И не нашел что ответить. А когда задал этот вопрос Василию Ивановичу, тот в хмельном раздумье воскликнул с какой-то необыкновенной горечью: «Ты думаешь, я знаю кто Я? Ты думаешь, знаю, зачем живу? Не знаю, вот и пью, потому что осознаю бессмысленность своего существования».

Раньше пил потому, что было хорошо, молодость, веселье, а потом война, воспоминания о которой гложут. Когда женился, Оксана мою избранницу звали. Дети долго у нас не получались, когда Светик родилась, вроде все, живи и радуйся, а нет. Умерла моя Оксана, когда дочке еще четырех лет не исполнилось. Быстро ее болезнь забрала, и еще мне одну боль добавила. Теперь пью, потому что все обыденно. Нет надежд на другие радости.

Наверно, беда России в том, что мы сначала пьем, когда хорошо, а потом, когда плохо, а то состояние, когда не пить, мы еще не придумали. Не пей водку, мой тебе совет, а то все твои мечты и твои желания сгорят в стакане».

Ответом на второй вопрос «где я?» было: «Россия. Челябинская область, поселок Бреды», – и тоже никаких воспоминаний или ассоциаций не прибавило.

Стольник из этого размышления не понял ничего, кроме того, что ему нужно еще очень много узнать, чтобы найти ответы хоть на какие-то мучающие его вопросы.

Поднявшись и пройдя в деревенский туалет, Стольник заметил валяющийся лист бумаги с буквами. Глаза выхватили фразу «Собран рекордный урожай пятилетки».

Он поднял бумагу и попытался прочитать то, что было написано. Многие слова были ему понятны, другие знакомы по звучанию, он даже произнес некоторые из них вслух. Общий смысл написанного, однако, все равно был непонятен. Но сам факт того, что звуки можно изображать, его очень обрадовал, и еще больше обрадовало то, что он эти символы может распознавать.

Чтобы прочитать все еще раз внимательнее, Стольник вышел из туалета, в котором было темно, и сел на какое-то бревно. Сколько времени читал, он не знал, но солнце уже вышло из-за горизонта, когда из состояния переваривания слов в образы Стольника вывел сердитый прапорщик, ругающий бездельника Вовку, который сначала проспал, а потом оказалось, что уазик не заводится. Так что еще куча времени понадобилась для поиска трактора и запуска машины «с толкача».

– Пошли быстро позавтракаем, а то сейчас Вовка приедет, обалдуй этакий, – немного отойдя от злости, пробурчал Прапор.

– Василь Иванович, а что такое коммунизм? – решил Стольник выяснить одно из незнакомых слов.

– Ты где это слово такое выискал? – оборачиваясь и подняв брови, удивился Прапор и, заметив газету в руках Стольника, добавил: – А ну дай посмотрю.

Несколькими резкими жестами развернув газету и увидев ее название, прапорщик Василько хмыкнул.

– Эти газеты я пару лет назад у нашей почтальонши Нюры взял за услугу, огород помог вскопать, в хозяйстве пригодятся. Само собой, кроме газет, еще пузырь получил и сало, но я не из-за этого помогал. Баба она просто хорошая. И одинокая, как это бывает. Газеты эти ушедшей эпохи, информации полезной ты там не найдешь. Пойдем завтракать, я уже разогрел то, что Светка с вечера приготовила. А когда трапезничать закончим, я тебе расскажу краткий боевой курс истории. – Прапор слегка похлопал по плечу своего подопечного. – А коммунизм – это сказка, к которой общество оказалось не готово на голодный желудок. Ведь одной сказкой сыт не будешь.

Глава 7. Дорога

Машина оказалась незамысловатой геометрической формы, темно-зеленого цвета. Водитель Вовка в затертой гимнастерке без погон зевал во весь рот, рискуя вывихнуть челюсть, и жаловался на раннюю поездку.

Вначале им пришлось заехать за доктором Максимычем.

После того как Прапор зашел в дом, оттуда послышались гневные тирады жены Максимыча, ответное бурчание Василия Ивановича, скрип дверей сарая и какое-то копошение. Наконец из дома к машине подошел прапорщик Василько, неся на плече местного Чехова.

– В дурке алкаша этого и оставь, замучил он меня уже! – с крыльца прокричала Татьяна.

Как только Прапор закинул «груз» на заднее сиденье, а сам залез вперед, машина тронулась.

– Татьяна вчера его в сарае закрыла, а он там заначку припрятал, вот и догнал, – пояснил Иваныч всем присутствующим.

– Иваныч, а без него никак? А то он мне все сиденья загадит! – жалобно заныл Вовка.

– Не бойсь, Максимыч – профессиональный алкоголик, он самогон из себя не выпустит даже в бессознательном состоянии, – успокоил его прапорщик. – Чехов говорил, что главврача знает, так что без него нам никак. Надеюсь, пока будем ехать двести километров, отойдет.

Вовка только вздохнул, но потом, почувствовав в Стольнике неискушенного слушателя, принялся рассказывать о своих сексуальных победах над некоей Галькой, в подробностях рассказывая все опробованные с ней элементы немецких порнофильмов. И о том, как его приревновала Клавка, баба на восемь лет старше его, с которой Вовка сожительствовал последнее время. В доказательство своих сексуальных побед Вовка показывал зубы, одного из которых не хватало.

– Вот блин! – процедил Вовка, поняв, что его рассказы никому не интересны. – Дорога все время к солнцу идет, слепит невозможно. Лучше бы ночью поехали.

Природа успела напиться утренним светом, она уже готовилась к лету, но пока ограничивалась тактичными намеками. Дорога то взбиралась на пологие холмы, становясь ближе к солнцу, то неспешно спускалась в низины, пересекая маленькие островки из деревьев в морях полей.

«К солнцу» – что-то знакомое звучало в этой фразе. Она будто наполняла жизнь смыслом.

– Василий Иванович, что значит «Ура»? – внезапно спросил Стольник.

– Это крик русских воинов, – покосился на спрашивающего Прапор.

– Он означает «к солнцу»?

– Он означает «вперед, в атаку!», – нахмурившись, ответил Прапор и принялся подробно объяснять. Рассказ прапорщика в отставке кипел горечью за утрату побед великих отцов, поскольку потомки о них почти забыли.

Так в голове Стольника вырисовывалась история России с ее революциями и сменой диктаторов на предателей, разваливших империю.

– Вот говорят «великий русский народ». А чем велик наш народ? Классической литературой? Так ее в основном дворяне писали: Пушкин, Толстой, Лермонтов, – да все те, кого как класс потом вырезали, а более поздние писатели – наследники уничтоженной эпохи. Победой во Второй мировой войне? Да, наши отцы уничтожили фашизм, миллионами жизней заплатив за продолжение жизни своего народа. Зато их внуки сейчас в фашистской форме ходят по Красной площади или пьяной толпой убивают иностранцев, поскольку русские женщины устали от пьяного быдла и обращают внимание на иностранцев – умытых и ухоженных.

Великая страна... Ну, если только в смысле что большая. Так-то рождается народа меньше, чем умирает, заселить страну не можем. Эх!

По-видимому, у Прапора эта тема наболела, раньше красноречия ожидать от него не приходилось.

От такого количества противоречивой информации Стольнику становилось не по себе.

Огромная страна, огромные противоречия, хмельной прапорщик, задохнувшаяся под собственным весом империя, степные просторы, царящий бардак, новые надежды, подаренные новым лидером. Относительно новым, потому что он правил уже второе десятилетие. И народ уже устал, поскольку лидер призывает трудиться на благо страны, а не подает все на блюдецке с голубой каемочкой... Светящее, но не греющее солнце.

Как ни странно, все это не пугало, а вызывало интерес.

Стольник устался в окно. Степные просторы притягивали чем-то неведомым. Было в них нечто близкое. То, что казалось родным и знакомым, но он не мог понять, что именно. Может, в них был ответ, кто он такой?

– Василь Иванович, а что такое «Аркаим»? – поинтересовался Стольник. Он помнил, что гаишники упоминали это слово, когда гадали, откуда он мог появиться.

– Вспомнил? – радостно воскликнул прапорщик.

– Нет, просто слышал, что есть такое место.

– Есть, – разочарованно подтвердил Василько. – Относительно недалеко от нас. Полсотни километров, ну или чуть больше.

– А что там?

– Ничего интересного. Я специально несколько лет назад ездил со Светкой посмотреть. Степь, холмы и туристический лагерь, люди со всего мира собираются, по холмам ходят и энергией космоса якобы заряжаются. Живут в палатках, питаются от костра и в очередях в туалеты стоят.

– Про энергию космоса – это неправда?

– Черт его знает. Если бы совсем неправда была, наверное, не ездили бы. Да еще там город откопали, который старше египетских пирамид. Хотя он лишь один и не самый крупный из найденных более чем пятидесяти поселений. Речка возле нас течет, Синташта называется. Так ученые и называли всю эту культуру – синташтинской. Большую площадь занимает – юг Челябинской области и большую часть Западного Казахстана. Эти племена якобы в наших краях разделились: одни пошли на запад и стали предками всех современных европейских народов, а остальные направились на юг и стали предками иранцев и части индийцев. Как я понял, в литературных источниках этих народов сохранилось описание наших земель. И формы построения найденных городов описаны.

– А в эти земли они откуда пришли?

– Как ни странно, с севера. А их родина по мифам называется Гиперборея. Хотя я не верю. Что угодно охочие до сенсаций ученые придумают, сопоставив хвост с клювом. Главное – сейчас там ничего интересного нет. Хотя когда тебя полиция будет допрашивать, ты про «Аркаим» расскажи, может, ты с ним как-то связан.

Стольник послушно кивнул.

Воображение нарисовало яркую картину тянущейся по снежному полотну цепочки выючных животных и людей, кутающихся в шкуры и яркие ткани, чужеродным пятном выделяющихся на фоне белизны. Солнце, за которым они следовали, светит особенно ярко, и путешественники останавливаются на привал. Восход солнца следующего дня их встречает растаявшим снегом, обнажившим землю, и пробивающейся на ней зеленой травкой. Ликование народа, несколько лет не видевшего ничего, кроме снега, не было предела.

Уазик фыркал и прыгал на каждой кочке, не давая грезам перерасти в сон. Когда их экспедиция сделала очередную остановку, давая всем желающим возможность освежиться, Стольник спустился с трассы в поле и почувствовал эту близость с невероятной силой.

– Что там интересного показывают? – раздался голос подошедшего сбоку Вовки, старательно застегивающего штаны.

– Красиво, – единственное, что он смог ответить.

– Что красивого-то? Нет ни фиги. Деревьев нет, животных нет, трава вон и та выгоревшая, – возмущенно заявил Вовка.

Интересный парень, подумал о нем Стольник. Белобрысый, веснушчатый, с маленькими, круглыми, глубоко посаженными блекло-серыми глазами. Щуплый, как подросток, хотя явно уже взрослый мужик, что он стремился подчеркнуть, отпуская усики, которые, правда, не росли, а как-то смешно клочками топорщились в разные стороны. Взрослость его проявлялась только по потрепанному, уставшему от водки и приземленных страстей лицу.

– Да ладно, что я такого сказал? – внезапно залепетал Вовка, трусливо отступая. – Просто хотел сказать, что ты на нормальной рыбалке не был, не видел настоящей красоты. Сетки поставить, выпить, возле костра под гитару попеть – вот красота где настоящая!

Странно, чего он испугался? Вообще Стольник уже раньше замечал, что окружающие не любят пристальных взглядов. Даже Прапор от такого взгляда отстранялся и как-то робел. А ведь, взглянув так, можно понять желания и устремления человека, хотя бы основные. Вот сейчас посмотрел на Вовку и понял его суть. Не особо приятно стало, похожее ощущение испытывал, когда в туалет в доме Василько заходил: темно, сыро и воняет. От этой вони, конечно, зла никакого нет, но и находиться рядом с ней не особо хочется.

– Спокойно тут, – задумчиво сказал Стольник и опять посмотрел вдаль.

– Покой у покойников, – услышал он затравленное бормотание водителя Вовки, который поспешно поднимался на насыпь автодороги.

Стольник тоже вернулся в машину, которая, рыча и фыркая, как неведомое животное, продолжила путь.

Глава 8. Приезд в больницу

Больница показалась Стольнику очень большой. Высокий бетонный забор окружал многоэтажное серое здание и, казалось, был нескончаемым.

– Вовка, давай ближе к проходной встань, – направил водителя Максимыч, проспавшийся, стоящий в задней части «таблетки» и пытающийся просунуть голову через окошко в водительскую кабину. При этом доктора сильно болтало по салону при каждом повороте, и пару раз он достаточно сильно ударился головой.

Машина остановилась в указанном Чеховым месте. Первым вылез Прапор, следом из салона появился будущий пациент больницы, который не отрывал глаз от здания, выглядывающего поверх негостеприимного забора.

По тому, как выходил Максимыч, Стольник понял, как выглядел он сам со стороны, когда очнулся. Не осознавать свои действия – это страшно. Как люди могут к этому стремиться?

Вначале доктор выглянул из салона, рассмотрел ступеньку, чуть при этом не нырнув головой вниз. В последний момент Максимыч успел ухватиться за дверцу машины. После этого доктор стал разворачиваться в проеме, вероятно посчитав, что задом выходить будет легче. При этом Чехов умудрился удариться одновременно и задом, и головой. Не зная, за что схватиться от боли, Максимыч отпустил руки и выпал из машины – к счастью, прямо в руки подошедшего Василько.

– Ты здесь жди, – вместо благодарности сказал Максимыч, потирая голову и тыкая пальцем в грудь Прапора. – Ты не медик, тебе там делать нечего.

– Вот еще, я тоже пойду, а то ты сейчас его там устроишь куда-нибудь не туда, – возмутился Василий Иванович.

Максимыч развернулся и пошел к проходной, видимо не найдя нужных слов для возражений.

– Не могли бы вы Федоренко Николая Васильевича оповестить о прибытии доктора Бельского? – слегка приосанившись, представился Максимыч охраннику, дежурившему на проходной.

– Николая Васильевича уже года три как в Москву перевели, – слегка растягивая слова, сообщил охранник. – Вы по какому вопросу?

– Да нам вот человека надо показать, память потерял, – заметно растерявшись, замямлил Максимыч.

Разглядывая вновь прибывшего без особого интереса, охранник не спеша поднял трубку телефона с диском модели прошлого тысячелетия. Описав ситуацию в нескольких фразах, секьюрити положил трубку и коротко произнес:

– Ожидайте.

Получив в свое сопровождение медбрата в застиранном халате, вся компания была отведена на второй этаж здания, в приемную главврача клиники.

Табличка на двери гласила, что самым главным в этом богоугодном заведении является некто Хайруллин Ринат Рашидович. Медбрат запустил всех прибывших в комнату и, зайдя следом, захлопнул дверь.

За столом в кабинете сидел представительный мужчина лет сорока пяти. Сразу обращали на себя внимание мощные скулы и надутые розово-черные щеки: розовые – от здоровья, черные – от тщательно выбритой, но, по-видимому, неистребимой щетины.

– Ринат Рашидович, граждане привели пациента с жалобой на потерю памяти, – уведомил медбрат и кивком переключил внимание доктора на троицу.

– Здравствуйте, доктор, – первым нашелся Прапор, держась на почтительном расстоянии. Он не поздоровался с доктором за руку, видимо, сказывался устойчивый и устраивающий всех

стереотип, что доктора стерильны и с немытыми руками к ним лучше не прикасаться. Максимыч тоже проявил робость или осторожность – поздоровался с главврачом чинным кивком.

– Здравствуйте, присаживайтесь. – Взгляд Рината Рашидовича скользнул по прапорщику, задержался на красном носе Максимыча и пронзил самого виновника визита. – Рассказывайте, – произнес врач, пристально глядя на Стольника.

По-видимому, Ринат Рашидович имел неплохое знакомство с психоанализом и уже сделал вывод, кто будущий пациент больницы.

Но рассказывать начал Прапор, объяснив, что Стольник знает мало слов и ему тяжело говорить.

– Почему Стольник? – невозмутимо поинтересовался главврач.

– Из всех документов при нем только сто рублей обнаружили, поэтому решили пока так назвать, – развел руками Прапор.

– Хорошо, хоть не десять рублей было, а то, следуя вашей логике, он бы именовался Чириком, – усмехнулся доктор. – А теперь расскажите всю историю подробно.

Прапор рассказал все, что знал, с момента встречи с потерявшим память персонажем.

Стольник с интересом слушал, как его воспринимали со стороны.

– Я не могу только понять, почему вы привезли этого гражданина в психдиспансер? Человека с потерей памяти не лечат в психиатрическом отделении. Его сначала отправляют к невропатологу, психологу, а зачастую вообще лечат таблетками на дому. Если человека с потерей памяти определить к нам, это де-факто означает, что у него амнезия, связанная с какими-то психическими заболеваниями. Отсеивается много других правдоподобных вариантов: его ударили, у него инфекция и так далее. Я сначала должен отправить этого гражданина в обычную больницу к невропатологу и нейрохирургу. Только потом – если они дадут заключение, что пациент нуждается в стационарном лечении, – его можно положить в отделение, и то не факт, что психиатрии.

– У него нет дома. Вот справка из милиции, что он направляется в вашу больницу для обследования, поскольку больница нашего поселка не имеет в штате психолога и находится на ремонте. Нам известно, что в вашей областной психиатрической больнице работают врачи более чем десяти специальностей высокой квалификации. И ваш город к нашему поселку гораздо ближе, чем Челябинск. Полиция уже занимается установлением его личности и будет держать связь при проведении обследования. Травм головного мозга у товарища Стольника не обнаружено, вот с нами врач, проводивший его осмотр.

– Ловко ваши люди в погонах списали пострадавшего в другую область под благовидным предлогом, – недобро хмыкнул главврач и посмотрел на Максимыча с некоторым недоверием. – Что показало обследование?

– Пострадавший терял сознание с непроизвольным выделением рвотной массы с зеленоватыми вкраплениями. Ссадин и кровоизлияний в области головы не обнаружено. Зрачок на свет реагировал адекватно, – фиксируя взгляд на блестящей ручке, торчащей из кармана халата главврача, пояснил Максимыч с богатой мимикой, благодаря которой он пытался говорить внятно.

– Значит, вероятно, отравление какими-то токсичными препаратами, – сделал вывод главврач, откинувшись на спинку кресла.

– Весьма вероятно, коллега, – важно произнес пришедший в себя Максимыч.

– Это наш сельский доктор, – объяснил Прапор.

– А вы давно, коллега, в запое? – оценивающе глядя на Максимыча, поинтересовался Ринат Рашидович. – Лечиться от алкоголизма не пробовали? Могу дать направление в Орский межрайонный наркологический диспансер, пролечитесь анонимно. Или можете пройти лечение в нашей больнице, у нас тоже имеется мужское наркологическое отделение.

– Да я практически не пью, – начал отнекиваться не ожидавший такого поворота событий Максимыч, – вчера просто день рождения друга отмечали!

– Его жена Татьяна просила его на лечение оставить, – сознался Прапор.

– Предатель, – с обидой в голосе буркнул, не глядя на него, Максимыч.

– Я бы вам все же рекомендовал пройти курс, прежде чем жена напишет заявление на принудительное лечение, – задумчиво произнес главврач.

– Да я запросто могу не пить, – начал объяснять Максимыч. – Мне просто скучно, а хочется, чтоб душа пела.

– Алкоголики всегда находят обоснованный повод напиться, – согласился с ним Ринат Рашидович.

– Ну что вы так прям оскорбляете меня, коллега? – вскочил со своего места Максимыч. – Я же с вами уважительно, а вы меня унижаете.

– Я, собственно, просто выполняю некогда данную клятву и пытаюсь помочь больному, – спокойно и доходчиво объяснил врач. – Мой долг – напомнить о необратимых процессах для организма, о которых вы, безусловно, не хуже меня осведомлены.

– Благодарю за напоминание, – ответил уязвленный Максимыч, садясь на свое место.

– Пациента под кодовым именем Стольник, которое в карточке пропишем как фамилию, мы примем и постараемся помочь, – подвел итог беседы главврач, – имя лучше бы тоже вписать или хотя бы первую букву имени.

– У него ни с одним именем ассоциаций нет, – объяснил Прапор, – хрен знает, как его зовут.

– Так и напишите «Стольник Икс» или «Стольник Х» по-русски, – обрадованный тем, что разговор ушел от его алкоголизма, влез Максимыч.

– Стольник Хрен, что ли, получится? – недовольно хмыкнул Прапор.

– Харитон можно назвать, у меня прадеда так звали, – нашелся Максимыч.

– Ну а что, хорошее имя. Тебе как? – поинтересовался Василько у Стольника.

Именинник безучастно пожал плечами, его мало волновало, как его будут называть.

– Харитон так Харитон, – согласился Ринат Рашидович. – Полиция разберется, кто он на самом деле. Пойдемте оформляться в регистратуру, и вы сможете получить информацию о посещениях.

Глава 9. Дурка

Время в дурдоме, как часто здесь называли это место, тянулось в бесконечно долгих скитаниях по коридорам. Несколько раз приезжали полицейские, опять расспрашивали, недовольно поджимали губы и с просьбой, обращенной к врачам, о любых проявившихся воспоминаниях пациента уезжали.

Врачи же давали таблетки, вызывающие сонливость, тяжесть в желудке и изжогу.

Стольника постригли под расческу и побрили. Из-под бороды показалось мужественное лицо с правильными чертами и куча шрамов на голове.

– Бедненький! Похоже, твоей голове за всю жизнь сильно досталось. Как же тут дуриком не стать! – пожалела его пожилая санитарка тетя Аня.

В отделении было много пациентов с заболеваниями, подобными его. Он узнал, чем антеградная амнезия отличается от антероградной, ретардированная амнезия от поставленного ему диагноза ретроградной амнезии, вызванной интоксикацией неустановленным веществом.

Заведующий отделением, Юрий Николаевич Пастухов, высоколобый кудрявый мужчина с маленькими подслеповатыми глазками, начал проводить с ним сеансы гипноза. Вел себя доброжелательно, первая попытка погрузиться в гипноз была безрезультатна: Стольник просто лежал и наслаждался музыкой.

– Уважаемый Харитон, – суетился доктор. – Ваша помощь в восстановлении воспоминаний мне нужна всенепременно. У вас устойчивая психика, поэтому помогайте мне для достижения результата.

Последующие сеансы пациент не был уверен, что верно помогает доктору, поскольку ему казалось, что он просто засыпает.

После шестого сеанса попытки погрузиться в воспоминания пациента Юрий Николаевич был чем-то сильно напуган, и сеансы гипноза на время прекратились, а к таблеткам добавились уколы.

В принципе, ему было достаточно сидеть и просто смотреть в пустоту, но в последнее время появилось желание слышать человеческую речь, так легче вспоминались слова. Поэтому, услышав внятный диалог, Харитон подходил ближе и вслушивался. Еще он часто смотрел телевизор, размещенный в центре общего зала, по которому почти всегда транслировали канал «Культура», реже канал «Наука». Совсем не любил смотреть канал «Спорт», поскольку не мог понять интереса бегать по полю, пиная друг другу мяч.

Вслушиваясь в спокойную и размеренную речь, льющуюся из телевизора, Стольник учился говорить фразы, состоящие более чем из трех слов.

Особенно ему нравились прогулки в парке, там встречались и пациенты из других отделений, правда не стремящиеся к общению, по причине замкнутости своего маленького мирка, который они отгородили от всего окружающего мира.

Сейчас он сидел, прислушиваясь к тишине, громко звенящей в голове. Ему нравился этот безразличный звон, он очищал. Оставалось только одно желание: купаться в спокойствии, которое дарил звон.

Неожиданно Стольник почувствовал боль в спине – резкую, пронзающую, заставляющую выгнуться и сдерживать хрип, пытающийся выпрыгнуть из груди.

Повернувшись, он увидел маслянистые, слезящиеся удовольствием глаза санитары с резиновой дубинкой в руках. Тот с интересом разглядывал его, наблюдая реакцию на произведенный удар. Это был невероятно крупный мужчина; не юный, но еще не шагнувший за черту увядания; под два метра ростом и очень плотного телосложения; широкоскулый, с маленькими глазами и ртом, обрамленным тонкими усиками; узким лбом и бессмысленным взглядом. Его звали Равиль.

На днях Стольник видел, как этот санитар с замашками садиста лупил резиновой дубинкой ветхого старичка, чем-то ему не угодившего. Равилю все прощалось, поскольку ему повезло родиться младшим братом того, кто сейчас являлся главврачом этого заведения. Ринат Рашидович постоянно ругал брата-садиста, пытаясь предотвратить жестокие выходки, но уволить не мог, чтоб не выпустить из-под контроля и не дать загреметь в тюрьму.

– Зачем ты это сделал? – спокойно и с искренним интересом спросил Стольник.

– Что, говнюк? Ты еще будешь говорить, что мне делать? Сядь и молчи, – скомандовал санитар Равиль.

– Я и так сижу и молчу, – резонно заметил пациент в ответ на «доброжелательность» медработника и отвел глаза, взглянув в окно.

За окном пели птицы и сияло ясное солнце. Все же на улице лучше, чем в дурдоме. Если бы он знал, куда идти, он бы ушел.

Резкая боль в голове вернула в действительность. Удар резиновой дубинкой пришелся чуть выше левого виска.

– Не переговаривайся больше со мной, придурок, – еще больше сощутив глазки и угрожая сморщившись, скомандовал санитар, показывая ему в лоб дубинкой.

Стольник понял, что если он сейчас ответит, то получит очередную порцию боли, поэтому снова устремил взгляд в окно. Оказывается, если думать о чем-либо хорошем, боль не особо чувствуется.

Санитар в очередной раз ощутил себя карающим богом этого микромира, после чего потерял интерес к безвольному психу и направился дальше.

Человек без памяти, нареченный именем Харитон и кличкой Стольник, ставшей фамилией в хрониках больницы, думал о справедливости мира.

Он задавал себе вопросы. Почему сильный имеет право издеваться над слабым? Значит ли это, что, чтоб тебя не обижали, надо стать сильнее? Тогда что, придется обижать тех, кто слабей? А в чем смысл? Ведь тогда и на тебя вновь может найтись более сильный. Пока Стольник понял одно: ему не нравилось, когда его бьют, это мешало созерцать тишину. В следующий раз он не позволит ударить себя.

Первый раз он думал так долго на одну тему и устал от этого. Захотелось найти иной предмет для размышлений.

– Подставляя правую щеку, когда тебя ударили по левой, ты очищаешься от гордыни и становишься ближе к Богу, – подняв палец вверх, произнес седой мужчина, глаза которого горели то ли святостью, то ли безумием, что скорей можно было ожидать в окружающей обстановке.

– Меня не по щеке ударили, а по спине и голове, – поправил его Стольник.

– Тоже сойдет, – доброжелательно произнес седой и сел рядом.

Некоторое время они сидели молча, глядя в пространство перед собой. Первым нарушил тишину Харитон:

– Бог – это кто?

– А? – встрепенулся седой, не ожидая вопроса.

– Ну, тот, к которому ближе становишься, когда тебя бьют.

– Вообще-то это написано в Библии – книге, собравшей много фактов присутствия пришельцев в истории человечества. Они и передали нам наставления к высшей морали Космоса. Любовь и смирение – это путь к истинному Богу, к Всевышнему, к сознанию Вселенной.

– Пришельцы? – переспросил непонятное слово Стольник. Ему смутно вспомнились слова гаишника, которого он видел после того, как очнулся в лесу.

– Их еще инопланетяне называют. Те, кто прилетел с другой планеты на нашу.

– На летающих тарелках? – уточнил Харитон.

– О, а ты соображаешь! – обрадовался седой тому, что нашел свободные уши. Уставившись в одну точку куда-то перед собой, он начал говорить поспешно, чтоб его не перебили: – Они высадились в Междуречье, между реками Тигр и Евфрат. Там и располагался сад Эдем, где вывели человеческое существо. В шумерском языке оно так и называется Адам. Затем пришельцы уже выделили женскую особь. В Библии, где изложены отголоски шумерских эпосов, написанных за две тысячи лет до нее, говорится, что Бог сотворил человека из глины, а глина на языке шумеров «адамах» называется. По сути, это значит, что использовался генетический материал населяющих землю неандертальцев и привнесен в их ДНК генетический материал пришельцев.

В Библии много говорится об участии пришельцев в жизни землян. Цитирую Библию, Бытие, глава 6 стих с 1 по 4:

«1. Когда люди начали умножаться на Земле и родились у них дочери, 2. Тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал. 3. И сказал Господь: не вечно Духу моему быть пренебрегаемым человеками, потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет. 4. В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди».

Ну, понял? – с надеждой, что его опровергнут, воскликнул седой.

Стольник отрицательно замотал головой.

– Поскольку человек создавался с использованием ДНК пришельцев, у них могли рождаться общие дети, порождая новую расу полубогов, а это не устраивало правителей-оккупантов. Им требовался только биоробот, не размышляющий, считающий себя рабом и делающий все, что нужно его богам. За это расу полубогов, называемую нами сейчас атланты, и уничтожили потопом, оставили в живых Ноя, потому что в нем генетика раба была сильна. И после контролировали развитие человечества. Посмотри, ведь на многих древних иконах нарисованы летающие тарелки.

– Извините, а вас как зовут? – поинтересовался Стольник.

– Можешь называть меня профессором, – гордо вскинув подбородок, ответил собеседник.

– Вы правда профессор? – уточнил Харитон.

– Я – профессор археологии, – высокомерно ответил седой и с кажущимся безразличием добавил: – И академик еще.

– А вы, профессор, именно за эти мысли здесь? – догадался Стольник.

Седой поник, похоже, догадка была верна, и объяснил:

– Я стал доказывать, что загрязнение атмосферы, глобальное потепление, генно-модифицированные продукты – это все проделки инопланетян, которые создают условия для своей жизни на Земле без скафандров.

– А это плохо?

– Думаю, хорошо. Ведь боги спустятся на Землю и возродят вымирающее от пороков и войн человечество. Вот тогда и меня с дурдома выпустят, как их вестника.

– А как они узнают о вас, если вы в дурдоме? – поинтересовался Стольник.

– А вы с каким диагнозом здесь, любезнейший? – поинтересовался в ответ собеседник.

– Амнезия, – произнес Харитон заученное слово.

– Так вы ничего не помните. – Встав с места, седой разочарованно взмахнул руками. – Подумать только, мечу бисер перед свиньями.

Оставив Стольника в полном недоумении, озирающимся по сторонам в поисках свиней, профессор и академик, удалился восвояси.

В ту ночь Харитону снились летающие тарелки и сидящие в них боги с огромной головой и миндалевидными глазами на шуплом серо-зеленом тельце.

В последующие дни седой обходил его стороной, стараясь даже не смотреть в его сторону. Они больше не общались, и Харитону пришлось искать других собеседников.

Доставляло особое удовольствие слушать светловолосую худенькую девушку с невероятно большими зелеными глазами. В настоящий момент, подойдя к ней ближе, наблюдал, как она говорила тихим, но очень внятным голосом, рассказывая пожилой женщине в чепчике, с выпученными глазами и трясущейся левой рукой, как выглядят ангелы и устроен этот мир.

Девушка, правда, всегда вздрагивала, когда он приближался, даже если очень тихо и со стороны спины. Похоже, она чувствует его энергетику. Может быть, и не зря говорили, что она ясновидящая.

– Ангелы – это чистые души, не обремененные тяжелыми земными грехами, они прошли тяготы материального мира достойно. Каждый поступок оценивается по тому, с какими мотивами он совершался и какие вызвал последствия, то есть радость принес людям или горе. Вот все эти эмоции и ложатся отпечатком на душу, – вещала девушка, вглядываясь куда-то перед собой, возможно рассматривая тех ангелов, о которых она говорила. – Легкая энергетика – она к небесам возносит, тяжелая энергетика к земле тянет, а некоторых даже под землю, ближе к ядру планеты, где их грехи и выжигаются. Долго сжигаются, с мучениями.

– Кто же это расценивает, хорошо или плохо? – изумленно спросила старушка.

– Бог, – просто ответила девушка.

– Когда же ему за всеми следить? – не поверила старушка. – У него своих делов много, за одними церквями следить сколько сил нужно.

– Просто Бог – это не дядька с бородой, как представляли наши предки, это разумная Вселенная, энергоинформационные законы, которые управляют одновременно и материальным миром, и тем, что называется духовным, – объяснила бабушке девушка на понятном, наверно, только для нее языке.

– Да ну тебя, сумасшедшая ты, традиции предков не чтишь! – подпрыгнув с места, начала возмущаться бабулька, а потом объяснила с гордостью: – Бог есть на небе. Я знаю, я с ним общалась, он мне говорил через унитаз, что ему деньги нужны, я свои гробовые собрала, скинула. Он сказал «спасибо, но надо еще». Я у соседей и сынка заняла и тоже смыла в унитаз. Вот я на самом деле Бога люблю, и он меня любит и обращается, чтоб я помогла его проблемы с деньгами решить.

– Вашему Богу нужны деньги? – удивилась девушка.

– Ничего ты в жизни не понимаешь, – возмутилась бабулька, – деньги всем нужны. Меня сынок начал убеждать, что нету у меня связи с Богом, так я, чтоб доказать, дополнительную антенну установила для связи с Ним.

– А какую антенну? – почувствовав подвох, поинтересовалась девушка.

– Я решила, что гвоздь сотка будет хорошей антенной, и забила себе в темечко, так правильно сделала, даже врачи отказались его вытаскивать, – с гордостью сообщила бабулька.

Потом поправила чепчик и продолжила:

– Сынок-гаденьш позавидовал, что я с Богом разговариваю, и сюда меня сдал. Ну, ничего. Тут мне никто не мешает Бога слушать – только денег нет ему помогать. Но он все понимает. Не зря говорят, что он Всезнающий, – гордо произнесла бабулька.

– А вы что, так с гвоздем и живете? – со страхом спросила девушка.

– Конечно, – приосанившись, ответила старушка и, сняв чепчик, показала торчащий сантиметров на пять из головы гвоздь, – теперь я всегда с антенной Бога слышу хорошо, единственная проблема – причесываться неудобно.

Потом бабулька поднялась, гордо вздернула голову и, осмотрев девушку, произнесла:

– Ты сначала себе антенну вбей, потом сможешь рассуждать об устройстве высшего мира, а пока тебе не дано, – и, посчитав, что разговор окончен, удалилась к окну.

Стольник пристально глядел на девушку. Мыслей, эмоций или выводов не возникало. Просто теплые волны разливались по телу, наполняя его добротой.

– Почему вы на меня смотрите? – поинтересовалась девушка, заметив взгляд Стольника.

– Мне приятно на тебя смотреть.

– Вы говорите правду, – согласилась девушка.

Он кивнул. Ничего, кроме правды, он говорить не умел.

– Правда, что ты экстрасенс и видишь духов?

– Я вижу духов, но я не экстрасенс, а сумасшедшая, – объяснила девушка.

– В чем разница?

– Экстрасенсы видят духов и могут с этим жить, а сумасшедшие тоже видят духов, но не умеют.

– Расскажи, что со мной произошло?

– Вы упали с неба и сильно ударились головой о действительность, – глубокомысленно ответила вещунья.

– Скажи мне, кто я, – попросил он.

– Сила в вас есть страшная, не пойму какая, это она разорвала ваш мозг. Вы забыли, потому что хотелось забыть. Вы столько знали, что уже не могли с этим жить. Воля в вас несгибаемая. Вопреки всему, будете опять стремиться узнать все, потому что вы не умеете останавливаться. Вы какой-то иной. Таких, как вы, я не встречала. В этой жизни, по крайней мере, точно не встречала. – Девушка продолжала смотреть сквозь него.

– Что мне делать?

– Вам хорошо, потому что ум спокоен, и поэтому нет сомнений, стереотипов, желаний и, главное, страхов. Люди многие годы занимаются духовными практиками, успокаивая ум, а он у вас спокоен, как у просвещенного. Сохраняйте трезвость ума, преодолевайте препятствия достойно, и все предначертанное в Книге судеб случится.

– А что предначертано?

– Прозрение придет само, озарив светом самые темные уголки подсознания, – объяснила девушка.

– А как мне жить, если я не знаю?

– Следуя принципу «абсолютной свободы», который гласит, что вы свободны абсолютно, но только до тех пор, пока ваша свобода не ограничивает свободу другой личности, – почти пропела девушка.

– Мне сложно понять, – с досадой сознался он.

– Я знаю, – кивнула девушка, – главное – запоминайте.

– Твой принцип свободы говорит: не давай себя бить и не бей других? – поразмыслив, спросил он.

– Можно и так выразиться, – согласилась девушка.

– Ну, тогда я с ним согласен.

– Я слышала, вас Харитоном называли? – поинтересовалась девушка.

– Да, – подтвердил он, – и Стольником называют.

– Стольник или Сотник – это плохо. От этого прозвища войной веет, так называли командира сотни воинов в царских войсках, – объяснила девушка. – А вот Харитон – это хорошо, «осыпающий милостью» означает на греческом языке. Лучше осыпайте людей милостью, чем воюйте.

– Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что я упал с неба?

– Ангелы всякие бывают, – задумчиво сказала вещунья, – бывают ангелы мести, они сами приносят себя в жертву, уничтожая зло, но, карая зло его же методами, они теряют святость и в следующей жизни должны будут стать обычными людьми. Это их плата за справедливость.

– Ты хочешь сказать, что я ангел? – задумчиво спросил он.

– Я уже сказала, что не знаю, кто вы, потому что вы сами не хотите, чтобы это кто-либо знал.

Он задумался, такая череда различных слов тяжело укладывалась в голове. Их нужно поймать, связать и выявить смысл.

– Эй, дурики, что тут за разговоры? – резко крикнул Равиль, внезапно появившийся рядом с ними. Крикнул так, что девушка вздрогнула. Он, постукивая себя по бедру уже известной милицейской резиновой дубинкой, нагло прищурился. – Ты что, Кассандра, хахаля завела и мне изменяешь?

Девушка отвернулась от него. Ее колотила дрожь. Стольник смотрел на санитару безразличным взглядом, этот человек не вызывал у него никаких эмоций, хотя, похоже, хотел напугать.

– Ты что на меня вытаращился, шизик? – свирепо посмотрел на Стольника санитар.

– Меня Харитон зовут, – спокойно напомнил он, желая сделать приятное девушке, произнеся имя, которое ей нравилось, – у меня не шизофрения, а амнезия.

– Тебе мало, говнюк? Еще по башке хочешь получить? – аж взвизгнул санитар.

Харитон молчал. Он не знал, как надо реагировать на агрессию. Просто спокойно стоял, глядя санитару прямо в глаза.

– Вон отсюда пошел! – рявкнул санитар, замахнувшись дубинкой.

Стольник стоял неподвижно. Откуда-то он знал, что санитар не собирается его ударить, да и понятно ведь, что бить людей – это глупо. Эти желания от страхов, злобы и бессилия, санитар тоже должен это понимать. В таком возрасте уже пора.

Санитар отвел глаза и опустил дубинку. Вероятно, он привык, что его боялись. Воздух вокруг его головы стал густеть и темнеть, пока не приобрел коричневый оттенок. Стольник знал, что это цвет страха.

– Ты что, храбрый такой? – выхаркнул слова санитар.

– Да нет, я нормальный, – объяснил Стольник.

– Ты, псих, еще и издеваешься? – воскликнул санитар, в свечении вокруг его головы появился красный цвет агрессии. – Нормальных тут не держат!

Все происходило удивительно медленно. Стольник увидел, как напряглись суставы пальцев, как взлетела резиновая дубинка, размазываясь в пространстве, направляясь ему в шею, он удивился, для чего санитар делает такие медленные движения. Может, он просто хочет передать ему дубинку и неправильно ее направил. Харитон сделал шаг навстречу санитару, потом ушел немного в сторону, повернулся боком, и дубинка оказалась у него в руках.

Санитар замер и смотрел растерянным взглядом с растопыренными от неожиданности руками. Стольник не понял, зачем санитар хотел показать ему свое оружие. Ничего интересного он в нем не увидел, поэтому, рассмотрев с разных сторон, протянул обратно.

Санитар расставил руки в стороны, почему-то не решаясь взять. Стольник расценил это как настойчивое желание с его стороны, чтоб он все же рассмотрел странную резиновую палку. Осмотрев ее еще раз, Харитон ничего необычного и интересного по-прежнему не заметил и протянул дубинку повторно.

В этот раз санитар все же взял дубинку. Отскочив на несколько шагов, он ткнул ей в сторону Стольника.

– Ты даже не представляешь, что я тебе устрою, – злобно прошипел он и, развернувшись, зашагал к выходу из отделения.

Харитон стоял и думал, пытаясь понять, что сейчас произошло.

– Спасибо вам, – не поднимая взгляда от пола и так же дрожа всем телом, произнесла девушка.

– За что? – не понял он.

– Вы единственный, кто смог меня защитить от него, – объяснила девушка.

– Он тебя обижает? – уточнил он свою догадку.
– Он всех обижает, – всхлипнула девушка.
– Я ему объясню, что так нельзя, он тебя больше не обидит.
– Имея намерение объяснить, нужно еще видеть в человеке способность вас понять.
– В любом случае не обидит. Он не нарушит границ твоей «абсолютной свободы», – пообещал Стольник и пошел к лавочке возле окна.

Стулья больным были не положены, ведь стул можно использовать как оружие. Сев на лавочку, прикрученную к полу, Харитон устремил взгляд на девушку. Теперь он должен за ней присматривать, ведь он обещал. И еще нужно контролировать окружающий мир, вдруг в нем опять появится кто-нибудь, кто захочет его ударить.

Мир опять наполнился тишиной и покоем, а еще к нему добавилась радость. Эта радость шла оттого, что он смотрит на девушку, которая сказала о нем больше, чем он знал о себе. Вообще-то Стольника не волновало, правда то, что она сказала, или бред воспаленного воображения. Радовал сам факт, что о нем подумала именно она.

Закрыв глаза, он понял, что так может контролировать окружающий мир даже лучше, чем с открытыми. Открытыми глазами он не видел, что происходит за спиной, а с закрытыми чувствовал даже, как мухи шуршат, ползая по стенам. Только люди казались пульсирующими пятнами разноцветной энергии. Впрочем, так они были даже интересней. Странно, зачем тогда люди вообще смотрят перед собой? Может, чтоб взглянуть в глаза друг другу и увидеть души?

Солнце летело по небу, чертя дугу навстречу сумеркам. И так каждый день, дуга за дугой.

Разговор с профессором странным образом повлиял на его сны. Во снах теперь люди собирали полезные ископаемые, драгоценные камни, пищу и золото. Боги любили золото, и люди приносили его в те места, где были установлены алтари и откуда боги забирали подношения.

Народы, приносящие дары, становились угодны богам и получали благословение в войнах, а иногда и реальную помощь. Часто враги не могли сопротивляться, цепenea от страха, иногда рушились стены в непокорных городах или находился предатель, открывающий ворота. Боги не гнушались ничем, стремясь помочь своим верным рабам. Реки человеческой крови намывали золото, приносимое в дары карающим серо-зеленым богам.

Сны своей яркостью намного превосходили серую обыденность больничной жизни, и зачастую, проснувшись, не сразу удавалось себя убедить, что картины, промелькнувшие перед ним, всего лишь иллюзия.

Глава 10. На волю

Дни проходили однообразно и незаметно. Иглы занудно пронзали вены, выплевывая в кровь различную отраву, называемую лекарством. Пациенты клиники слонялись по коридорам с видом полудохлых бактерий либо сидели на лавочках вдоль стен с бессмысленным взглядом.

Харитон Стольник был плотью от плоти этой пассивной массы изолированных от общества тел, за тем исключением, что в его взгляде появлялся интерес, и он иногда фиксировался на девушке с белокурыми волосами. Девушка тоже изредка одаривала его робким, но ласковым взглядом.

Регулярно пациентов, которых медперсонал ласково называл «дурики», выпускали погулять в парк. Эти часы, дарящие дуновение ветра и яркое солнце, наполняли жизнь смыслом. Желание продлить прогулки запечатлелось в сознании после желаний выпить воды и посмотреть на Кассандру.

Два раза приезжал Прапор, привозил домашнюю еду – отличающуюся тем, что она излучала любовь, а не холодную сухость, как больничная пища. Василий Иванович ерзал напряженно на месте, не зная, о чем говорить со своим «найденным», и поэтому рассказывал о попытках Максимыча бросить пить и о намерениях отремонтировать курятник.

Потом все возвращалось на свои места, и время вновь замедляло ход.

Иногда мимо проходил санитар Равиль, распугивая пациентов устрашающей резиновой дубинкой и злобно поглядывая в сторону Харитона.

Харитона несколько не беспокоило, кто на него и как смотрит. Мысли о санитаре, постоянно носившем черные густки энергии над головой и красные в области пояса, были ему неприятны, поэтому он не запускал их в свое сознание.

Но ближе к вечеру Равиль подошел к Кассандре и что-то тихо начал ей говорить. Девушку опять затрясло, она сжалась в клубок, сидя на лавке, и спрятала лицо в колени. Санитар грубо дернул ее за руку, а второй рукой схватил за подбородок, обращая взгляд на себя.

Харитон встал с места и направился к ним.

Сказав несколько слов, санитар отпустил девушку, зажмурившуюся и кивнувшую ему, после чего направился дальше по коридору. Он не увидел Стольника, направлявшегося в их сторону через весь зал.

Подойдя к сжавшейся в комок и рыдающей Кассандре, Харитон остановился, не зная, как обратить ее внимание на себя. Равиль тем временем удалился, настороженно оглядываясь.

– Что он от тебя хочет? – негромко спросил Стольник.

Девушка посмотрела на него заплаканными глазами.

– Зачем вам мои проблемы и мой позор?

– Я обещал тебя защищать от него.

– Это мой позор и моя судьба, не надо вам это, – всхлипывая, возразила девушка и добавила: – Вообще, вам не место здесь. Идите на волю и ищите себя. Если вы захотите, никто не сможет вас удержать.

– Я не знаю, чего хотеть, но я в любом случае тебя не оставлю, пока твоя жизнь в опасности.

– Ну, регулярное изнасилование еще никого не убивало, хотя о самоубийстве начинаешь задумываться, – с безразличным видом пояснила девушка.

– Что он сказал? – жестко спросил Стольник.

Девушка посмотрела ему в глаза.

– Что как отбой объявят, заберет меня и будет трахать.

– Ты этого не хочешь? – уточнил Стольник. Он не знал это слово, но ему не понравилась выплюнутая с ним энергетика горечи.

Кассандра посмотрела на него безумным взглядом и болезненно захохотала.

– Не хочешь, – сделал вывод он. – Как объявят отбой, иди в свою палату, главное – не соглашайся идти с ним. Тогда я смогу ему объяснить, что ты не хочешь.

Отойдя в сторону, он добавил, не оборачиваясь:

– Мне кажется, я уже видел твои глаза. Не знаю почему, но раньше они были голубыми, а не зелеными, как сейчас...

– Наверно, вы тоже ясновидящий...

– Что ты имеешь в виду? – непонимающе обернулся Стольник и пристально посмотрел в ее глубокие, как бездна Вселенной, глаза.

– Иногда мне снится, что меня зовут Лоя и у меня есть сын, с которым я по утрам сражаюсь в качестве тренировки на мечах. И муж у меня есть, исполин, наводящий ужас на врагов своим молотом, извергающим молнии, и вселяющий любовь в своих близких мудрым внимательным взглядом таких же, как у тебя, голубых глаз.

– Исполин ростом?

– Нет, поступками.

– Интересно, – заметил Стольник, после чего развернулся и направился к ближайшей лавочке.

В этот раз он выбрал лавочку поближе, чтоб не выпускать девушку из виду ни на секунду.

После ужина Харитон так и ходил незримой тенью за Кассандрой, стараясь не попадаться на глаза.

Солнце в очередной раз закончило свой прыжок через небо и скрылось, определив начало сумерек.

Отделение готовилось к отбою. Пациенты, подгоняемые медперсоналом, побрели в сторону своих палат.

Санитар Равиль появился, словно из ниоткуда, и направился к Кассандре. Похоже, ему нужно было забрать и увести ее до того, как закроют отделение.

Девушка, робко взглянув на Харитона, заспешила по направлению к женской половине корпуса.

Санитар преградил ей дорогу и схватил левой рукой. Его лапа казалась раза в два больше ее ручки. Девушка заметалась, пытаясь освободиться, но безрезультатно.

Стольник незримой тенью вынырнул из-за спины и схватил санитаря за запястье.

– Отпусти ее, – негромким, но настойчивым тоном попросил он, глядя в удивленные глаза санитаря.

Тот напрягся и попытался вырваться. Хотя санитар и весом, и ростом превосходил пациента, Стольник с видимой легкостью сжал его руку, и Равиль, скривившись от боли, отпустил девушку. Вырваться он не смог и, схватившись за дубинку, свободной рукой попытался нанести удар. Харитон оттолкнул его лицо рукой, и санитар замер, потом обмяк и начал падать на него. Стольнику пришлось отскочить в сторону, чтоб не оказаться придавленным этой горой мяса.

Кассандра закрыла рот обеими руками, чтоб не закричать. Несколько находящихся рядом больных остановились и тупо смотрели на санитаря, ничком упавшего на пол. Он лежал в неудобной позе лицом вниз, и под ним растекалась темная лужица крови.

Стоявшие в отдалении пациенты стали подходить ближе, чтоб поглядеть, что произошло.

Кассандра смотрела испуганными глазами на Харитона, тот тоже был озадачен произошедшим и не очень понимал, как реагировать.

– Что с ним?

– Вы его убили, – объяснила девушка, – бегите теперь быстрее отсюда, или убьют вас.

– Я не уйду, – отказался он, – здесь же ты.

– Мне ничего больше не грозит. Уходите, умоляю вас.

– Я уйду, но вернусь за тобой, – пообещал он.

– Не надо, – покачала головой Кассандра. – Вы должны сами пройти путь судьбы, только тогда вы исполните свою миссию.

Раздался оглушительный звонок общей тревоги.

– Прощайте, – махнула рукой девушка.

– До свидания, – ответил он, пытаясь сохранить надежду увидеться с ней вновь.

Девушка пятилась от него, не отводя глаз.

Больные расходились по своим палатам, срабатывал инстинкт премудрого пескаря, заставляющий наблюдать разрешение сложившейся ситуации, подглядывая со стороны.

От входа на Харитона двигались пятеро санитаров с ожесточенными лицами, помахивающие резиновыми дубинками.

Почему-то у Харитона появилось ощущение, что его собираются бить. Он не хотел насилия над собой, но и опасался бить их. Как оказалось, человек – это такое хрупкое существо, что стоит к нему прикоснуться, и он может умереть. А Стольнику неприятна смерть.

Харитон замер и стал думать, как поступить. Приоткрытая дверь, через которую зашли санитары, выполняющие функции охранников в больнице, манила своей таинственной привлекательностью.

Санитары взяли его в круг, и Харитон закрыл глаза, чтоб видеть всех одновременно.

Первым нападать начал тот санитар, который стоял за спиной, его удар направлялся в шею. Двигался нападающий невероятно медленно, Стольник даже не стал уходить от удара, а дернул за руку, и санитар сам стал в его руках дубинкой, которой он размахивал вокруг своей оси.

Раскрутив противника, Харитон метнул его в сторону двух санитаров, находившихся между ним и дверью, которая вела на лестницу. Санитары, словно кегли, разлетелись в разные стороны.

Стольник повернулся к двум оставшимся, замершим от испуга санитарам и открыл глаза.

Санитары в нерешительности сделали несколько шагов назад, но они уже не мешали его движению. Когда он повернулся спиной, один из санитаров бросился к нему, но Стольник развернулся, и тот сразу замер на месте. Посмотрев на санитаря с укором, пациент погрозил ему пальцем и пошел дальше.

Сбитые с ног медработники валялись на полу и стонали, у одного из них была нелепо вывернута нога, второй держался за ребра. Видно, что жизнедеятельности их организмов ничего не угрожает. Тот, который служил метательным снарядом, держался за посиневшую руку, в его глазах была заметна паника, но агрессии не прослеживалось. Оказывается, когда человек беспомощен и близок к смерти, он не стремится причинить вред.

Действительно, сильных обижать никто не хочет. Он понял, что нужно быть сильным.

За дверью никого не оказалось, только еще оглушительней верещал звонок тревоги. Спустившись по лестнице, Стольник оказался в приемном покое перед стойкой, за которой стояла молоденькая медсестра.

– Больной, немедленно вернитесь в палату, объявлен отбой, и вам нельзя здесь находиться, – строгим голосом учительницы приказала она, судорожно нажимая какую-то кнопку.

– Я не хочу в палату, – несогласно мотнул головой Харитон. – Мне уйти надо, расскажите, пожалуйста, как это лучше сделать?

– Как это – уйти? – возмутилась девушка. – Вам нельзя уходить, пока главврач не разрешит.

– Дело в том, что я случайно убил его брата. Думаю, он будет недоволен мной, – робким голосом возразил Стольник.

– В смысле – убили? – опешила медсестра после такого заявления.

– Ну, понимаете, это произошло случайно, он просто кинулся на меня, – извиняющимся тоном объяснил пациент.

Взгляд девушки заметался по сторонам. Из бокового коридора слышался топот ног, обутых в тяжелую обувь.

У Стольника появилось подозрение, что это бегут те, кто тоже захочет помешать ему выйти на улицу.

– Скажите, пожалуйста, как выйти, а то мне придется и их, – посмотрев на девушку, кивнул в сторону нарастающего топота Стольник.

Девушка кивнула в сторону коридора, из которого слышался топот.

– Значит, придется, – вздохнув, сделал вывод Харитон и сразу встал сбоку от прохода.

Из коридора резко выскочили в приемный покой трое одетых в камуфляж охранников с электрошокерами в руках. Стольник оказался у них за спиной и потянул за воротник ближайшего. Охранник, толстый мужчина среднего роста, отлетел к стене и, ударившись затылком, сполз по ней на пол. Двое оставшихся направили электрошокеры на Харитона и бросились к нему явно с недобрыми намерениями.

Стольник не знал, что это за предметы странной формы, но не хотел, чтоб они в него ими тыкали.

Оказавшись между нападающими, он ткнул шокером одного в горло второго охранника, а шокер второго в лоб первого. Охранники повалились в разные стороны, как срубленные тополя.

Увидев, что проход на свободу чист, Стольник решил продолжить свой путь.

– Я тогда пошел, – любезным тоном сообщил о своих намерениях Харитон оцепеневшей от страха медсестре. Хотелось извиниться за то, что он ее напугал. – Всего вам наилучшего. Удачи во всех начинаниях.

Девушка, смотрящая на него остекленевшими глазами, по инерции кивнула.

– До свидания, – решив, что уходить, не попрощавшись, не очень любезно, произнес Харитон и скрылся в дверном проеме, не дожидаясь ответа, – а лучше прощайте.

Пройдя по длинному коридору, Харитон натолкнулся на дверь из металлических прутьев. Толстые прутья оказались удивительно эластичными и порвались без особого труда, освободив дальнейший путь.

Затем он очутился в здании контрольно-пропускного пункта. Дежурный, сидевший в застекленной камере за контрольными мониторами, вскочил со стула при его появлении и направил в сторону Стольника изогнутый металлический предмет.

– А ну стой на месте, а то стреляю! – скомандовал дежурный, манипулируя предметом, от которого исходила скрытая угроза.

Стольник замер, поняв, что этот предмет несет смерть, а затем метнулся к железной двери, ведущей на улицу. Распахнув дверь, он жадно вдохнул уже почти забытый воздух свободы. Где-то были приближающиеся сирены.

Охранник выскочил за ним и прицелился.

Харитон побежал. Глаза пришлось закрыть, потому что встречный ветер причинял боль. Зато он смог увидеть вспышки выстрелов за спиной. Звук Стольник не слышал, похоже, тот просто не успевал за ним. За считанные секунды больница осталась где-то далеко позади, а еще через время и вовсе скрылась из виду.

Глава 11. Бандиты

Ногам стало горячо и больно. Остановившись, Стольник увидел, что его больничные тапки лишились подошвы и дымятся.

Скинув с себя остатки обуви, сбежавший пациент продолжил путешествие по обочине дороги босиком.

Все же некомфортно идти по нагретым за день камням, стремящимся ужалить того, кто осмелился нарушить их право на спокойствие своими босыми ступнями. Пришло осознание, что одет неудобно и его больничный халат не соответствует требованиям новой действительности.

– Надо одеться удобнее и так, чтоб не поняли, что я из дурдома, – решил Харитон и продолжил прогулку вдоль дороги.

В сумерках проезжающие машины освещали фарами странный силуэт, пассажиры выглядывали и иногда показывали на него пальцем. Поэтому, когда появилась ближайшая заправка, Стольник понял, что вопрос с одеждой нужно решать срочно и именно здесь.

Когда он подошел ближе, то увидел, что заправляется только одна машина, похожая на легковую, но с большими колесами и большим просветом под днищем. Она напоминала уазик, на котором его привезли в больницу, но выглядела намного изящней.

В нескольких метрах от машины стояли трое мужчин. Один из них, невысокого роста, но очень широкий в плечах, с лицом, покрытым оспинами, достал сигарету и щелкнул зажигалкой.

– У нас не курят, – послышалось из динамиков заправки. – Потушите, пожалуйста, сигарету.

– Правильно, не кури, а я о своем здоровье сам позабочусь! – крикнул в ответ Рябой.

– Ты, Рябой, реально, не беспредельничай, – поддержал замечание щуплый мужичок с огромным носом, – курить вредно. Особенно на заправке.

– Че это я беспределю? – взвился широкоплечий. – Вредно – не кури. Я за свое здоровье сам отвечу.

– Да ты не здоровье свое подставляешь, а наши жизни, – пояснил носатый.

– А в смысле, что взорваться можем? Ты что, Сусел, смерти боишься? – усмехнулся Рябой.

– Умереть в бою почетно, а сдохнуть от взорвавшейся заправки из-за тупости подельника – это стремно, – отрезал Сусел и напрягся, по-видимому ожидая ответной реакции. – Я из родного Актюбинска в бега в Башкирию подался не для того, чтоб тут подохнуть.

– Пацаны, спокойнее. Понимаю, все на взводе, но еще не хватало между собой кусалово устраивать, – встал между ними третий участник действия, брюнет с выразительными раскосыми зелеными глазами, выдающими в нем азиата.

– Ладно, не обессудьте, пацаны, не хотел вас опасности подвергнуть, верное замечание Сусел сделал, – процедил сквозь зубы Рябой, кинув сигарету на асфальт и затушив ее ногой.

– И ты не обессудь, Рябой, что я свою точку зрения в резкой форме сформулировал, – ответил Сусел, несколько расслабляясь.

Стольник слушал их диалог, стоя по другую сторону машины. Тут на нем остановился взгляд Рябого.

– О, а это что за крендель? – поразился тот.

Троица уставилась на Харитона, осматривая его босые грязные ноги и больничную пижаму.

Стольник заметил обращенное на него внимание и приблизился к ним.

– Добрый день, – поприветствовал он троицу, помахав правой рукой, посчитав, что ему необходимо поздороваться и представиться тем, кто вступил с ним в беседу. – Меня зовут Харитон Стольник, я сбежал из дурдома, поэтому не мог бы кто-нибудь одолжить мне свою одежду на время или поменяться на мою?

Рябой в ответ на это предложение заржал. Похоже, он не отличался особым интеллектом.

– Ты что, дурак? Пошел вон отсюда, пока живой, – выхаркнул фразу, вызываяще подбоченясь, Рябой.

– Мы что, в телевизионном розыгрыше участвуем? – поинтересовался Сусел и заинтересованно закрутил носом по сторонам.

Рябой тоже настороженно закрутил головой по сторонам. Только зеленые глаза пристально изучали необычного собеседника.

Стольник вежливо ждал.

– Пацаны, это реальный дурачок, по взгляду ведь видно, – сделал заключение зеленоглазый и обратился к Стольнику: – У тебя какой диагноз?

– Ретроградная амнезия, – ответил Харитон.

– Скажи, Николс, это что? Типа он не помнит ни хрена? – уточнил Сусел, вопросительно глядя на зеленоглазого.

– Ага, – подтвердил тот. – А как память потерял?

– Не знаю, очнулся в лесу, а до этого ничего не помню, – объяснил Стольник.

– Давно очнулся? – резко спросил Сусел, и взгляд его стал холодным и колючим.

– На Майские праздники, – задумавшись, ответил Стольник, он помнил, как этот срок недавно называл врач.

Николс и Сусел заинтересованно переглянулись. Судя по цветовым пятнам, пульсирующим вокруг головы, они думали об одном и том же.

– Больше трех с половиной месяцев назад, – первым посчитал Сусел.

– Одежду мы тебе, конечно, свою не дадим, уважаемый Стольник, по той простой причине, что она нужна нам самим. Голыми или в больничных халатах ходить нам тоже не резон, – на удивление вежливо и с расстановкой пояснил Николс. – Хотя, конечно, мы не можем оставить реального пацана без помощи. Поэтому, если хочешь, мы можем тебя взять с собой и при случае обеспечить вещами.

– Ты че, Николс, гонишь, нам только психа не хватало, – возмутился Рябой.

– Помолчи, – сквозь зубы процедил Сусел.

– И ты туда же, – зло огрызнулся Рябой.

Николс с неприязнью глянул на Рябого и, с улыбкой переведя взгляд на Стольника, объяснил:

– Мы удалимся на минуту, нам с корешами нужно перетереть вопрос.

Стольник пожал плечами. Смысл сказанного он понял частично, поскольку некоторых произнесенных слов не знал. Разговора, который происходил между подельниками, он не слушал, ему интереснее было смотреть на воробьев, клюющих хлебную корку на асфальте.

– Ты что, Рябой, температуришь? – злобно прошипел Николс. – Мы с Суселом с ходу в тему въехали. Нам этот чудик послан небом, чтоб все проблемы решить. Он не помнит ничего. Мы его обработаем, и он на себя возьмет все наши грешки.

– А как вы его заставите на себя все взять и паровозом пойти? – с непониманием спросил Рябой.

– Не вы, а мы, – поправил его Николс, – мы с собой его возьмем, а при случае спишем. Менты потом за вознаграждение и для улучшения раскрываемости на него все наши грехи повесят. Число участников ограбления определить сложно, мы трое вместе нигде не светились.

– Ну, вы головы, – восхитился Рябой. – Тогда надо уезжать, не привлекая внимания.

– Соображаешь. Вот и валим, – одобрительно хлопнул его по спине Николс.

После этого они с Суселом оставили его стоять и обдумывать ситуацию, а сами вернулись к Харитону.

– Ну что могу сказать, Стольник, – протягивая руку, обратился к нему Николс. – Добро пожаловать в нашу команду.

Харитон пожал его ладонь, шершавую и жилистую.

– Реальная такая кликуха Стольник, солидная, – одобрил Сусел, в свою очередь, пожимая ему ладонь. – Кто придумал?

Его рука была цепкая, щуплая и влажная.

– Прапор придумал, – искренне ответил Стольник, довольный тем, что у него появились друзья. – Сто рублей увидел у меня в кармане и назвал.

– Реальный мужик прапор, железная солдатская логика у него, – усмехнулся Николс, после чего начал расспрашивать о предшествующих знакомству событиях.

Тем временем Рябой повесил заправочный пистолет на колонку и пошел к кассе рассчитаться за бензин.

– На выезде с заправки меня ждите, – распорядился Сусел и направился за административное здание.

Когда машина выехала на трассу и они ждали Сусела, свет в административном здании мигнул. Через несколько минут на заднее сиденье джипа рядом со Стольником залез Сусел, запыхавшийся и сматывающий в руке короткий кусок белого провода.

– Поехали, – торопливо распорядился он, с опаской оглядываясь на здание заправки.

– Что сделал? – настороженно поинтересовался Рябой.

– Пробил их видеонаблюдение током в 220 вольт, – заулыбался Сусел.

– Кайфую от твоих выходов! – довольно заржал Рябой.

– Реально варварские методы самые безотказные, – сделал вывод Николс.

Сусел с довольным видом Мальчиша-Плохиша оглядывался на удаляющуюся заправку.

Машиной управлял Рябой, на переднем пассажирском месте сидел Николс.

Стольник, оказавшись в машине, почувствовал комфорт от нахождения в состоянии покоя. Тишина и спокойствие опять приятной музыкой зазвенели в ушах. Мелькающие за окном деревья гипнотизировали. Попутчики о чем-то спорили между собой, но он не вникал в смысл, пока его не толкнули.

– Стольник, ты что, оглох? – спросил Николс. – Я тебе пацанов представляю, познакомься, а то мы даже имен своих не назвали. Меня Нурлан зовут, друзья Нурик называют, братва Николс кличет. Лучше кликуху при обращении употребляй, чтобы родное имя не палить.

– Я Руслан, пацаны Русел или Сусел кличут, – глядя в зеркало заднего вида, представился водитель, протягивая руку через плечо.

– Вовчик, – односложно представился Рябой, по-видимому не желая афишировать свое прозвище.

Рад знакомству, милостивые господа, – с искренней улыбкой ответил Стольник. – Я уже имел честь представиться, меня зовут Харитон Стольник.

Все разом повернулись к нему.

– Чё сейчас сказал? – удивленно переспросил Сусел.

– Рад знакомству, милостивые господа, – повторил Стольник, думая над тем, где он допустил ошибку в построении предложения. – Я уже имел честь представиться, меня зовут Харитон Стольник.

– Ты из какого века, братиш? – поинтересовался Рябой, глядя в зеркало заднего вида. – Из девятнадцатого?

– По какой причине, осмелюсь спросить, вы сделали такой вывод? – поинтересовался Харитон.

– Да ты, блин, как дворянин из телика говоришь! – пояснил Рябой.

– Реально поясняет. Учись, братва, сейчас самая фишка на русском литературном языке по понятиям высказываться! – одобрил Николс.

– Ты что, Нурик, хочешь сказать, что и нам так надо выражаться? – недоверчиво уточнил Рябой.

– Ну да. Если ты такими словами свою фразу изложишь, кто сможет тебя в грубости или беспределе упрекнуть? – ответил вопросом на вопрос Николс.

– Да нас просто не поймут ни хрена, – поддакнул Сусел. – А ты где так выражаться научился?

– В больнице по телевизору так говорили, – объяснил Харитон.

– Во! Говорю же, как в телике, – заржал Рябой.

– Какой канал, осмелюсь поинтересоваться? – тоже перешел на русский литературный Николс. – Не канал «Культура», случаем?

– Да, «Культура», – подтвердил Стольник, – иногда «Наука».

– Слышь, пацаны, надо в каждую камеру по телику поставить и этот канал на тюрьмах показывать, чтоб братва смотрела, мы бы ваще от фени избавились, – пошутил Рябой.

– Он просто заново учился говорить, вот и понахватался, а так горбатого только могила исправляет, – с неприязнью скривился Сусел. – Я вот, например, не хочу, как он, говорить, и баста!

– Не скажи, – недобро сверкнул глазами Николс. – Кто на серьезном северном кичмане парился либо строгача на зоне тянул, не употребляет матерную речь и говорит «будьте любезны». Этим в терках избавляют недоброжелателей от возможности предъявить неуважение. Так что учись, в нашей профессии может пригодиться.

– Типун тебе на язык, Николс, – суеверно огрызнулся Рябой и три раза поплевал через левое плечо.

Вдоль дороги начали появляться домики и указатель с названием поселка городского типа.

– Нам, пацаны, надо одежду Стольнику по-быстрому найти и желательно машину поменять, джип мы угнали, и, возможно, уже объявили план «Перехват», – наметил задачи Сусел.

– А что значит «угнали»? – уточнил незнакомое слово Харитон.

– Ничего мы ее не угнали, – испытующе посмотрев на него, ответил Николс, – покататься просто взяли.

Ответ Стольника удовлетворил. Он понял, что ребятам это нужно и они взяли нужную вещь лишь на время.

– Что,ждемся вечера и лоха левого разденем? – поинтересовался Рябой.

– Вовчик! Красава! Когда ты уже наконец перерастешь уровень гоп-стопа? – с нескрываемым раздражением в голосе задался вопросом Николс.

– Реально, Рябой ты пургу метешь, – включился в дискуссию Сусел. – Мы кассу взяли, а ты хочешь прохожих раздевать.

– А что делать тогда? – тупо глядя на них, поинтересовался Рябой. Похоже, его мозг столкнулся с непреодолимой задачей.

– Есть такое слово модное «шопинг», – заулыбался Николс. – Чтоб ты понял, могу перевести так: «Поведем братуху прикидываться до барыги».

– Да я понял, что ты меня травишь? – возмутился Рябой. – Просто общаковые средства экономлю, да и темень на дворе – магазины уже не работают.

– Мы поняли твои чистые намерения, но все же пойдем отовариваться в магазин, – подвел итог Николс. – Всю ночь будем ехать, а с утра, как город покрупней появится, зарулим куда-нибудь в бутик. Сейчас, Сусел, остановись, я свой спортивный костюм братухе дам, чтоб хоть выходить мог из джипа.

Когда Харитон переоделся, троица осмотрела его и переглянулась.

– Обуви у нас нет? – поинтересовался Сусел, глядя на босые ноги Стольника.

– У меня есть сланцы, – вспомнил Рябой.

– Так давай, по-любому лучше, чем босиком.

Когда Харитон надел сланцы, его новые друзья одобрительно заулыбались.

– Теперь ты как спортсмен на отдыхе. Подозрений не вызываешь. Ну, по крайней мере, не больше нас, – сделал вывод Николс и поторопил всех сесть в машину. – А теперь погнали, нам еще на север ехать и ехать.

Дверцы захлопнулись одна за другой, напоминая автоматную очередь, и джип продолжил свой бег в темноту.

«Как эти лохи легко повелись, – громко думал Николс, – при случае замочу всех троих и возьму кассу. Ищут троих и спишут троих, а одному с деньгами потеряться не сложно».

Что-то похожее думал и Сусел.

«Странно, зачем ему нас мочить? Это же мокро! Одежду намочишь и не помоешься толком», – размышлял Стольник, ответ не нашелся, а потом мысли рассеялись в размеренном гуле дороги.

Глава 12. Происшествие

Ринат Рашидович стоял возле тела своего брата Равиля, лежащего на столе для вскрытия. В нем боролись два чувства: тоски по тому, кого он знал всю жизнь, и облегчения, поскольку не придется больше бояться выпадов этого шизоидного садиста.

Сбежавшего пациента так и не смогли найти, хотя прошло уже больше суток с момента побега. Незамедлительно выставленные посты на всех дорогах и полиция, прочесывающая окрестности, не нашли ничего, кроме порванных больничных тапок, подобранных в десяти километрах от психушки.

Возле стола для вскрытия находились также Жернов Петр Сергеевич – судмедэксперт, проводивший вскрытие, – и майор районного отделения полиции Николай Ефимов, отчества которого Ринат Рашидович не знал, поскольку тот оказался младше его и не возражал, когда его называли просто «майор».

– Я хотел, чтоб мы вместе послушали заключение эксперта и вы, сделав выводы, высказали свое мнение, – объяснил свою позицию полицейский.

Главврача пригласили в городской морг, где проводилось вскрытие, больше из уважения к его профессиональным заслугам перед городом, но Ефимов решил использовать ситуацию в свою пользу и послушать еще одно мнение, которое, возможно, даст пищу для размышлений.

Майор Ефимов в ожидании обратил взор на эксперта. Доктор Жернов прокашлялся, как перед выступлением с трибуны аудитории. Было видно, что он волнуется и хочет произвести впечатление на главврача Хайруллина.

– При вскрытии тела установлено, что в средней части правого предплечья рука деформирована, отмечается патологическая подвижность. При осмотре этой области путем разреза мягких тканей обнаружен мелко-осколочный перелом обеих костей предплечья, которые могли быть получены от ударного воздействия тупого твердого предмета с ограниченной ударяющей поверхностью. Например, металлической трубой, железным прутком и тому подобными предметами.

Вскрытие черепа показало, что смерть наступила от нарушения анатомической целостности головного мозга вследствие открытого вдавленного перелома носовых костей и костей, образующих основание черепа. При ревизии базального отдела височной доли, правого полушария головного мозга в проекции хиазмы обнаружено повреждение с обширным кровоизлиянием. Из раны извлечен костный осколок.

На основании данных экспертизы освидетельствуемого, приходим к следующим выводам: характер повреждений головного мозга и морфология переломов указывает, что данные повреждения получены от удара сознательной силы тупым предметом с ограниченной травмирующей поверхностью и не могли быть получены при соударении с высоты собственного роста.

– А если по-русски? – решив, что ему потребуется помощь в переводе всей череды медицинских терминов, уточнил майор, испытующе глядя то на судмедэксперта, то на главврача.

– Если по-русски, майор, то преступник так схватил моего брата за руку, что раздавил ему кость предплечья, а это теоретически человек сделать не может, поскольку для этого, судя по количеству осколков, потребовалось бы усилие, которое производит молот, падающий на наковальню. А смерть наступила от кровоизлияния из-за проникновения носового хряща в мозг, что тоже теоретически невозможно при ударе рукой, – жестким тоном объяснил главврач.

– Я слышал, что сумасшедшие могут быть очень сильными, – решил блеснуть эрудицией майор.

– Больные с расстройством психики действительно могут быть очень сильными, – поправил его Ринат Рашидович, – но их возможности в любом случае ограничены возможностями человеческого тела.

– Вы хотите сказать, что Стольник – не человек? – сделал напрашивающийся вывод милиционер и, не сдержавшись, воскликнул: – Что за бред?

– Он прошел все возможные обследования, находился у нас сто два дня, принимал назначенное лечение, причем препараты влияли на него адекватно. Можно без сомнений сказать, что он человек, – ответил ему главврач, – но природа подобных сверхвозможностей мне непонятна. Просто обратил ваше внимание на этот факт.

– Благодарю, Ринат Рашидович, за участие, мы продолжим поиски, и уверен, разыщем убийцу вашего брата, и он понесет ответственность перед законом в полной мере. Примите мои соболезнования еще раз, – кивнул майор, наблюдая, как судмедэксперт Жернов закрывает простыней лишенное носа лицо трупа.

– Принимаю ваши соболезнования, какие будут вопросы, незамедлительно обращайтесь, – ответил главврач.

– До свидания, – попрощался майор и вышел из кабинета.

– До свидания, – вслед ему ответили главврач и судмедэксперт, после чего Ринат Рашидович кивнул доктору Жернову и тоже вышел в коридор, но направился по коридору в сторону, противоположную той, в которую направился майор.

Их шаги сливались в один ритм и отзывались эхом в лабиринтах коридоров, тревожа мертвое спокойствие морга.

– Случай более чем странный, – думал главврач, – незамедлительно напечатаю отчет и вышлю своему куратору. В соответствии с подпиской я должен сообщать в течение суток после происшествия, вскрытие прошло только сегодня, так что укладываюсь.

Майор Ефимов вышел за территорию больницы и, дойдя до стоянки, открыл ключом служебную «приору» белого цвета. На оснащение сигнализацией служебных машин денег не выделялось. Набрав на мобильном телефоне номер, который он не имел права записывать в память телефона, Ефимов услышал звенящую тишину.

– Докладываю согласно последней ориентировке по выявлению проявлений сверхвозможностей преступников, – поставленным голосом, четко и разборчиво произнес майор Ефимов в мобильный телефон, после чего стал излагать суть происшествия в больнице.

После номера диспетчерской Агентства приходилось набирать идентификационный код, определяющий личность звонившего, после чего набирался семизначный пароль доступа. По этому номеру никто и никогда не отвечал, ответом на звонок являлась только многозначительная тишина. Кто еще был задействован в сборе информации для Агентства и как ее обрабатывали, Ефимов не знал, поскольку вопросы подобной важности ему не то что обсуждать было не с кем, он даже думать о них решался не при всех.

Последняя ориентировка его насторожила, ведь если Агентство ожидало проявление сверхвозможностей преступников, значит, они проявятся, как, собственно, и произошло.

Закончив диктовать донесение и тупо глядя перед собой, полицейский сделал вывод:

– Звездных войн нам только не хватало. Все, нужно увольняться и идти сторожем работать.

Глава 13. Путь на север

Джип уже много часов бежал правым боком к восходящему солнцу. Оно постепенно меняло цвет, не спеша перебирая оттенки от красного к желтому. За рулем сидел Рябой, рядом с ним на переднем пассажирском сиденье дремал Николс, сзади, прислонившись головой к стеклу, смотрел в окно Сусел.

Машина проехала мимо таблички «Стерлитамак», название ни о чем не сказало Стольнику. Стрелки показывали в сторону, похоже, они объезжали город.

Николс открыл глаза и посмотрел на указатели. Потом протер глаза, зевнул и достал карту из бардачка.

– Стерлитамак проезжаем. Довольно большой город, здесь можно поесть, одежду купить и особо не засветиться.

– Только я по объездной трассе ушел, заезжать не стал в город, – пояснил Рябой.

– Тогда придется заехать.

– Левой рукой правое ухо, – ругнулся Рябой.

– Что случилось? – поинтересовался с заднего сиденья Сусел.

– Да уже весь Стерлитамак объехали, вот уже указатель на Уфу, придется возвращаться.

– Ну а мы особо не спешим, – примирительно хмыкнул Николс.

На развилке трассы с указателями налево «Уфа» и направо «Стерлитамак» машина завернула в правую сторону.

Вдоль дороги все чаще стали появляться домики с надписями, намекающими на то, что они заведения общепита.

– Здесь тормози, – указал на одно из заведений Сусел.

У одного из домиков, большого, обложенного красным кирпичом, с аккуратной, не выгоревшей надписью «Сударушка» над входом и стоящими возле него двумя легковыми машинами: первая – с четырьмя соединенными кольцами на эмблеме и вторая – с надписью LADA. Рядом с ней джип и остановился. Путешественники вышли из джипа, каждый, кроме Стольника, взял в руки по большой спортивной сумке.

– Машины стоят, несмотря на утро, значит, кабак рассчитан на более требовательных клиентов и котируется, – объяснил свой выбор Сусел.

Зайдя внутрь, они увидели, что занято два столика: за одним сидела семья – муж с женой и двое детей лет по восемь—десять; за вторым – грузный мужчина лет пятидесяти и лысоватый паренек, который при ближайшем рассмотрении, правда, оказался худощавым мужчиной лет тридцати пяти.

– Ты привел, ты и выбирай, – указал Суселу в сторону буфета Николс.

– Не вопрос, насяльникама, – заулыбался тот всеми своими гнилыми зубами, удаляясь.

Компания уселась за столик, соседний со столиком двух мужиков, посчитав, что от детей будет слишком много шума и их не заглушит негромко работающее радио с легкими башкирскими национальными мотивами. Рябой бросил ключи на середину стола, по-видимому показывая этим, что передает эстафету следующему водителю. Три большие спортивные сумки положили под стол.

Соседи настороженно осмотрели друг друга. Перед двумя мужчинами не было никакой посуды. По тому, как они теребили выцветший листок, выполняющий роль меню, было понятно, они тоже только зашли.

Николс зевал, Рябой, по-видимому, тоже потребности в общении не испытывал, а Стольник не испытывал желаний вообще, поэтому все сидели молча, и им невольно пришлось слушать соседей по столику.

– Мироныч, зачем ты меня сюда затащил, не пойму? Ведь мы почти приехали! – спросил у толстого его худощавый напарник.

– Ты, Серега, сам подумай, какая там суета. Они супермаркет завтра с утра открывают, а у них сигнализация не настроена и кассовая программа вылетела. Мы как приедем, весь день сегодня будем операционку переустанавливать, чтоб к вечеру кассовую программу запустить. Ты думаешь, нас поест куда-нибудь выпустят? В лучшем случае сухомятку какую-нибудь организуют, – пояснил толстяк.

– Завтра чем будем заниматься?

– Завтра, в день открытия, будем тревожную сигнализацию восстанавливать и в лучшем случае к вечеру запустим, тоже не попируешь.

– Ты думаешь, они магазин откроют без сигнализации и без тревожной кнопки? – с сомнением поинтересовался худощавый.

– Поверь моему жизненному опыту, запустят в любом случае. Тут мне сказали, что весь район на ушах стоит, ждут открытие нового крупного продуктового супермаркета с нетерпением, а хозяин жадный до денег, он в любом случае откроет магазин, даже если мы один кассовый аппарат запустим, а не все, – хмыкнул толстый. – Не зря же нас из Уфы дернули за сто тридцать километров, торопится очень, даже стерлитамакским программистам не доверился.

– Не поэтому нас вызвали, а потому, что установка входит в цену операционки, а ты сам сказал – хозяин жадный до денег.

Стольник увидел, что Николс напрягся и весь обратился в слух. Глядя на него, Харитон понял ранее услышанное выражение: «ушки на макушке».

Подошел Сусел и, с шумом опустившись на стул, жизнерадостно обратился к ожидающим завтрака спутникам:

– Короче, пацаны, как и подозревал, бешбармака у них не оказалось, так я, хоть и утро, и супца заказал. Жидкой баланды похлебать по-любому надо, два дня нормально не жрали, ну и на второе гуляш взял, говорят, бодрый и цена смешная: по сто сорок рублей на рыло вышло.

Взгляд Николса пронзил его жестким укором. Соседи прервали свой диалог.

– Ты бы, Василий, сил для мамкиных харчей поберег, нам всего-то ехать километров пятьдесят осталось до родной деревни, – нарочито громко ответил ему Николс, напряженно сжимая скулы.

Услышав условное обращение чужим именем, Сусел напрягся и замер.

– А, ну да, быстрее бы уже мамку увидеть да девок соседских пощупать, – подыграл он и замолк.

Подошла официантка, черненькая миловидная девушка, поставила несколько тарелок с едой и два бокала с чаем на соседний столик, после чего мужчины стали ускоренно поглощать пищу.

– Вот какая! Я бы ей запердолил, – плотоядно осмотрев официантку, едва слышно процедил Сусел.

– У тебя первая ходка по юности за изнасилования чуть вроде не состоялась? – ощерился Рябой. – Если тебе повезло откупиться и не сесть, это еще не значит, что всегда будет так переть. На зоне за изнасилование опускают, и насильники кукарекать начинают.

– Пошел ты! – выпучив глаза громким шепотом, процедил Сусел. – Мне всегда все проканывает! Я тогда смог договориться, чтоб телка забрала заяву, и не сел, значит, и не было этого. Запомни, я счастливчик! Кого хочу, того и имею.

– Ну, смотри не сглазь свою удачу, – с показным безразличием произнес Николс. – Удача – она телка капризная. За все могут призвать ответить, так что не беспредельничай, особенно когда в нашем кругу двигаешься.

– Не собираюсь я ее трахать. Получше найду, когда все дела сделаем.

– Вот это уже правильный разговор, – одобрительно кивнул Николс.

Через пару минут, когда родители с детьми уже вышли на улицу, бандитам принесли суп. Четверо спутников с энтузиазмом принялись за еду, прислушиваясь к звукам за соседним столиком. Но разговор, заинтересовавший Николса, так и не возобновился.

Соседний столик справился с завтраком минут за десять, и компьютерщики, кивнув на прощание официантке, направились к выходу. Когда дверь закрылась, Николс остановил тяжелый взгляд на Рябом.

– Проследи, куда поедут и где выйдут, не светись перед ними лишний раз, мы тебя здесь ждем, – распорядился он, пододвигая ключи от машины ближе к Рябому.

– Блин, пожрать спокойно не дашь, – огрызнулся Рябой, но, быстро дохлебав суп, вскочил и направился вслед за мужчинами.

Николс подошел к окну и проследил за отъезжающей «ауди», а затем за их джипом.

К столику подошла официантка, расставляя на столик четыре тарелки с непонятной для Стольника пищевой массой.

– Расскажи, красавица, нам, колхозникам, какой магазин у вас новый открывается? – обратился к ней вернувшийся Николс.

– Чет вы на столичных больше похожи, а не на колхозников. И машина крутая, только номера незнакомые. Да завтра супермаркет у нас открывается огромный, – с гордостью ответила девушка. – Весь район ждет.

– Деревенский я, – уклончиво ответил Николс. – Вот и хочется посмотреть, какие дела в родном краю происходят. А в каком районе супермаркет?

– Не из Покровки, случайно? – поинтересовалась девушка.

– Да нет, ближе к Уфе, – уклончиво ответил Николс.

– Не из Тойбазы? – продолжала пытаться девушка.

Николс понял, что ни одного достоверного названия населенного пункта он вспомнить не сможет, и решил блефовать.

– Да, а как догадалась?

– Я с Тойбазы Марата Хайрулина знаю, а вы с ним чем-то похожи.

– Марата? Хайрулина? Малого? – проявляя чудеса актерского мастерства, обрадовался Николс. – Он же родственник мой!

– А вы знаете, что Роза родила недавно? – поделилась новостью девушка, убеждаясь, что перед ней знакомый знакомых.

– Да ты что! Мальчика или девочку?

– Девочку. Месяца три назад. Что, ей привет передать? От кого?

– Да нет, я сам заеду поздравлю, все равно туда еду, а тебя как звать?

– Аселя, – представилась официантка.

– Аселя, а меня Ринат.

– Зачем вы из машины вещи с собой взяли? – полюбопытствовала девушка, рассматривая сумки, стоящие под столиком.

– Да вот боимся, вдруг у вас тут хулиганы появились, украдут, и придется в родную деревню без сменных штанишек ехать.

– Да прям, у нас все спокойно. К такой машине лишний раз и подходить не решатся.

– Скажи, это что за шишка такая супермаркет открыла? Не поселковый?

– Нет, что вы, городской он. Местный, со Стерлитамака. Абдрахманов фамилия, не слышали?

– Это милиционер бывший который?

– Нет, наоборот, бандит, он всю жизнь спекуляцией живет, вот и сейчас торговать будет.

– Ну что же, красиво жить не запретишь, – развел руками Николс, принимаясь за еду и давая этим понять, что разговор закончен. – Хлеба принеси еще нам, Аселя, будь любезна. Вот тебе денежка, сдачи не надо.

Официантка радостно убежала и вернулась с хлебом. Она, видимо, хотела продолжить разговор, но увидела, что Николс общается с Суселом, и удалилась.

Когда они остались одни, Сусел одобрительно посмотрел на подельника.

– Грамотный пробивон.

– Тему чуешь? – поинтересовался Николс. – Карта нам козырная, похоже, легла, смотри, расклад какой. Сигнализация не работает. Инкассаторы наверняка тоже только на закрытие приедут. Барыга или своей охраной будет обходиться, или минимум ментов привлечет рядовых с резиновыми дубинками, жадный потому что. Народ в первый день попрет по-серьезному, все будет с полок сметать, серьезный куш обязательно снимем.

– Что-то слишком гладко.

– Ты что, не веришь в воровской фарт? Это реальная тема.

Взгляд Сусела остановился на Стольнике.

– А ты, Стольник, что думаешь? – поинтересовался он.

– Я не думаю, – честно ответил тот.

– Почему? – недопонял Сусел.

– Мне и так хорошо, – совершенно искренне ответил Харитон.

Сусел переглянулся с Николсом.

– Пойдем пообщаемся, – предложил он, и они пошли в другой конец зала и присели за крайний столик, повернувшись к нему спиной.

Стольник не сразу услышал, о чем они говорят. Его это и не особо интересовало, просто нечем было занять свой ум, и он посмотрел на салфетки. Бумага колебалась от звука, а зрение преобразовывало колебания в слова.

– Николс, ты решил с нами этого дурика таскать, а сейчас вообще на дело хочешь его взять!

– Запомни, Руслан, он не подельник, он – пассажир. Мы на него все дела замкнем и спишем со счетов.

– Он же нас сдать может.

– Трупы еще никого не сдавали, так что пусть на этом деле засветится, а потом мы его под раздачу спишем. Он безвредный, улыбается все время. Вреда от него точно не будет, а пулю на деле поймает – так невелика потеря.

– У нас на общаке больше сорока лимонов, а ты хочешь нас на дело вести ради пары сотен тысяч.

– Это не из-за бабла, хотя, когда масть прет, надо брать. Это чтоб дурика засветить. Потом сожжем его в джипе, машина все равно засвеченная и номера казахстанские внимание привлекают.

– Мы успеем подготовиться к завтрашнему вечеру?

– Надо успеть. И не к вечеру. Дело делаем к обеду, а то вдруг в обед инкассация приедет.

Слова неприятными микровзрывами шелестели в голове Харитона. Он съел непонятную пищевую массу, названную «гуляш», и к нему пришло чувство сытости, а с ним и чувство удовлетворения. Еда удовлетворяла потребность в питательных веществах, необходимых для регенерации энергии. Теперь он знал цену деньгам. Он быстро учился. Значит, чтоб наесться, надо сто сорок рублей. У новых друзей есть сорок миллионов рублей, это значит, можно наесться 285 714 раз. Если есть три раза в день, как в дурдоме, – значит, можно питаться 95 238 дней. Учитывая, что их четверо, каждый может есть 23 809 дней. Это примерно шестьдесят пять лет можно не задумываться о питании и спокойно наслаждаться тишиной. Значит, вот почему они стремились получить больше денег! Они просто хотят подольше оставаться спокойными. Получается, если у него будут деньги на питание, он сможет больше наслаждаться тишиной.

Он был доволен ходом своей мысли.

Николс и Сусел вернулись за столик к Харитону и молча стали доедать остывший гуляш. Вскоре появился и Рябой, который, вернувшись, стал жадно поглощать пищу, а остальные выжидающе смотрели на него, не задавая вопросов.

Когда Рябой доел, он выпрямился на стуле, сжал губы и внимательно осмотрел присутствующих.

– Я понял, что вы затеяли. Супермаркет большой, недалеко здесь, эти двое прямым ходом туда поперлись.

– Осмотримся и решим, как быть, а пока нужно определиться, где остановимся, чтоб всей бандой не роиться, – решил за всех Николс. Он поднялся, давая понять, что завтрак закончен, и остальные тоже встали со своих мест, беря из-под стола по сумке. Через несколько секунд кафе полностью опустело.

Глава 14. Бюро нейтрализации

Сигнал о выявлении сверхвозможностей преступников прошел по аналитическому каналу информационной системы АМБ, так сокращенно называли Агентство Международной Безопасности, и попал в информационный портал подразделения, выделенного для отслеживания и контроля подобных проявлений, именуемого «Бюро Нейтрализации».

Агентство не подконтрольно ни одному правительству, ни одной из стран планеты. Не привязано к территориям и финансировалось за счет собственной финансовой структуры. Самостоятельно вело компьютерные и оружейные разработки и могло позволить себе технологии, на несколько десятков лет опережающие развитие современной электроники.

Информационная система «Бюро Нейтрализации» отфильтровала сигнал по тематике и по территориальному признаку. Информация сортировалась системой параллельных компьютеров, корректирующих и проверяющих работу друг друга, поэтому человеческий фактор ошибки исключался, после чего система отправила сообщение на электронную почту агенту, курирующему участок. Сообщение хотя и отправлялось на закрытый адрес, оформлено как ежедневная рассылка новостей. Анализ информации с момента получения, формирование сообщения, все пересылки, вместе взятые, заняли всего несколько секунд.

Агент GN-315 читал рассылку, полученную на свой сенсорный мобильный телефон. Он обязывался уставом АМБ пользоваться средствами связи, аналогичными тем, которые мог позволить себе обыватель.

– Я, Котя, тебя оставляю в салоне, но, к сожалению, забрать не смогу, – нежным тоном произнес он, не глядя на рыжеволосую кудрявую девушку с губами на пол-лица, сидящую на переднем пассажирском сиденье.

– Опять твоя работа! На сколько месяцев пропадешь в этот раз? – капризно спросила кудрявая.

– Ты же знаешь, что все свое свободное время я стремлюсь проводить с тобой. Ты мой нар-Котик! – с плотоядной улыбкой произнес абсолютно лысый мужчина с кавказским носом и небритым лицом.

– Милый, мне обидно, что лучшие годы своей жизни я трачу на то, что жду тебя, – обиженно ответила девушка и отвернулась к окну.

– Разве я не тот мужчина, которого стоит ждать? – с самодовольной улыбкой спросил лысый и глубоко затянулся кубинской сигарой.

– Конечно, я тебя буду ждать всегда, но ты уедешь, а я, как назло, вчера стукнула свой пусик. Там фара разбита, и как я буду без машинки по магазинам и салонам ездить, на такси, что ли? – плаксиво запаниковала рыжая и замахала ручками, стараясь отогнать табачный дым. – Убери свою вонючую заразу. Как ты ими еще затягиваться можешь, они же такие крепкие!

Она знала, что это ее нытье его жутко возбуждает.

– Тогда, рыжик, отложи свой массажный салон на часик, я тебе куплю новую машину, чтоб не беспокоиться за тебя в ближайшие дни, – с видом кота, объевшегося сметаны, предложил лысый и затушил сигару в автомобильную пепельницу.

Он знал, от чего возбуждается она. Своими эмоциями эта женщина наполняла его жизнь необыкновенно мощными красками, вводящими в состояние эйфории и окрашивающими реалии окружающей действительности в яркий цвет, а этого зачастую так не хватало в этом блеклом, сером мире, лежащем у его ног. Она – его единственное уязвимое место.

– Хочу! Хочу! Хочу! – запрыгала на сиденье девушка и захлопала в ладоши. – Мусик, подари мне тот «феррари» голубенький, его хочу. Мне надоел этот огромный джип с такими мягкими фарами.

– «Феррари» не положено. Зачем слишком выделяться? Давай скромненько на мерседесике поедешь?

– Нет. Тогда лучше тот золотистый «лексус». Его тоже хочу.

– Хочешь, значит, будет. Точнее, уже есть, я же исполнитель твоих желаний, – самодовольно ответил лысый.

– Ты – настоящий мужчина! Я так тебя хочу! Ты меня жутко возбуждаешь! Целуй меня страстно! – потянулась к нему рыжая, судорожно цепляясь своими ярко-красными ногтями за его светло-серые джинсы, обезумев от распирающих ее эмоций.

– Котенок, ты меня потом поцелуешь, сейчас быстро за машинку чек подпишу и поеду. Ты же знаешь – работа прежде всего, – объяснил лысый, крепче берясь за руль.

Его не беспокоило, что ему предстоит проехать на машине пару тысяч километров и выезжать приходится в ночь. Ведь при необходимости он легко мог обходиться без сна трое и более суток. Он – сверхчеловек с точки зрения рядового обитателя планеты Земля, и место ему в комиксах про супергероев. Тем не менее он жил в обычном мире, скрывая то, что для его четвертого уровня возможностей прыгать с места на двенадцать метров вверх, видеть летящие пули и ускоряться до 260 километров в час считалось среднестатистическими показателями.

Самое важное – появилась цель, к которой стоило стремиться, это тонизировало и выводило из утомительного состояния праздности.

Он верил, что, когда сумеет отказаться от страстей, его тоже посвятят в «Законы Вселенной» – в ту тайну, которую человечество когда-нибудь осознает. Тогда, и только тогда другие цивилизации увидят в человечестве равного себе носителя сознания для ведения дискуссии. Ну а пока же людей игнорировали, не давая информацию, с помощью которой они могли себя уничтожить, и не выпуская их за пределы планеты. Их бюро тоже было причастно к дозированию информационного уровня, как и множество других тайных организаций.

Бордовая «ауди-ТТ» взревела и резко свернула на улицу, ведущую к автосалону. Водитель намеревался оставить там свою пассажирку и устремиться по делам, прописанным должностными обязанностями нейтрализатора четвертого уровня допуска Агентства Международной Безопасности.

Его полномочия строго определялись и регламентировались уставом и предписаниями недавно созданного и очень востребованного подразделения, называемого «Бюро Нейтрализации».

При всех своих сверхвозможностях у него и мысли не возникало, что он когда-нибудь нарушит устав.

Глава 15. Тмутараканьск

Двухкомнатный номер гостиницы встретил скрипучей дверью с дырками, забитыми кусками разноцветной фанеры, а в одном месте даже жестью. Это доказывало, что, хоть здесь и царит нищета, но мужик с руками еще не перевелся.

Из открытой двери пахло сыростью и куревом.

– Блин. Темно, как в погребке, – выругался Рябой, первым вошедший в номер и пытавшийся найти выключатель, поскольку глаза плохо видели после яркого солнечного света. В сумраке он стукнулся коленом о тумбочку, и свет зажегся под аккомпанемент сдержанных ругательств.

Полумрак помещения развеялся, и оказалось, что окна задернуты темными глухими шторами. Стены были мертвенно-синего цвета в серых разводах, верхнюю часть стен и потолок украшала грубая лепнина. В углу большой комнаты стоял телевизор советских времен еще на ножках, в другом углу – раздвижной диван с отваливающейся спинкой. Рядом находилось кресло, прожженное сигаретами на подлокотниках, между ними располагался журнальный столик со стоящей там литровой банкой, которая исполняла роль вазы, поскольку в ней стоял пучок искусственных цветов. С правой стороны от двери злобно зарычал холодильник, больше своими размерами похожий на тумбочку. Намекая на то, что номер не одноместный и при нем имеется туалет, за стены держались две перекошенные и плохо прикрытые двери.

– Долбаный Тмутараканьск, – разочарованно выругался Рябой.

– В Стерлитамаке есть и очень приличные гостиницы, но зачем нам светиться? Вот я и узнал про это логово на окраине, – пояснил Николс.

– Похоже, по нам ночью будут тараканы бегать и клопы хоромы водить, – вздохнул Рябой.

– Во всем надо видеть позитив, Вовчик, – усмехнулся Николс. – Зато от дурной крови избавимся.

– Если от всей дурной крови избавимся – помрем, – с грустью констатировал Сусел. – У нас ведь другой нет.

Подельники с недоброй улыбкой понимающе переглянулись.

Компания стала рассредоточиваться по номеру. Николс первым делом открыл окна, и солнечный свет наполнил помещение.

– Солнечная сторона – из-за этого служба закрывает шторы, чтоб меньше припекало, – озвучил он догадку.

Рябой тем временем заглянул за одну из дверей.

– Реально я тоже позитив увидел, как Нурик говорил, – довольно заулыбался он. – Радует, что тут унитаза есть, а не дырка в полу.

– В спальне две солдатские кровати. Это что получается, кому-то придется парой на диване спать? – почесал затылок Сусел.

– Дежурная сказала, что кресло раскладывается, так что разместимся. И давайте быстрее, ведь еще надо осмотреться, а потом отдохнуть, чтоб завтра двигаться, – резюмировал Николс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.